

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 9.

КАРЬЕРА.

КОМЕДИЯ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Е. Е. Каролева.

ПРЕДСТАВЛЕННАЯ ВЪ ПЕРВЫЙ РАЗЪ
НА АЛЕКСАНДРИНСКОМЪ ТЕАТРѢ ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ,
1-го декабря 1854 года, въ пользу В. В. Самойлова.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛІЦА.

ВЛАДИМІРЪ ИВАНОВИЧЪ СТРАХОВЪ	<i>Г. Самойловъ.</i>
ВѢРА МИХАЙЛОВНА, жена его	<i>Г-жа Самойлова.</i>
НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ОРЪХИНЪ.	<i>Г. Мартыновъ.</i>
ИВАНЪ, слуга СТРАХОВА.	<i>Г. Фальевъ.</i>
АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧЪ ВОЛГИНЪ.	<i>Г. Славинъ.</i>
АННА ПАВЛОВНА, жена его.	<i>Г-жа Громова.</i>
МАШЕНЬКА, дочь ихъ.	<i>Г-жа Читау.</i>
СИДОРОВНА, кухарка Волгиныхъ.	<i>Г-жа Рамазанова.</i>
ИВАНЪ ПАИКРАТЬЕВИЧЪ АКУЛОВЪ	<i>Г. Каратыгинъ,</i>
ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ ЕГОРОВЪ	<i>Г. Зубровъ:</i>
СЕМЕНЪ	<i>Г. Розенштремъ.</i>
ЯКОВЪ	<i>Г. Семизатовъ 2.</i>
ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ СТРУЙСКІЙ.	<i>Г. Вороновъ.</i>
ВОЛОДЯ.	<i>В-ца Лядова.</i>
ЛЮБА.	<i>В-ца Фаберъ.</i>
ПОЛОВОЙ.	<i>Г. Разсказовъ.</i>

Дѣйствія I, II и III происходятъ въ Петербургъ, IV въ Новгородѣ.

Между дѣйствіями I и II проходитъ 3 недѣли.

— — II и III 3 года.

— — III и IV 6 лѣтъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЛЮБОВЬ и ЧЕСТОЛЮБИЕ.

Небогато меблированная комната. Двѣ двери: направо въ кабинетъ Страхова, въ среднѣй общій выходъ.

I.

ИВАНЪ чиститъ замокъ у среднѣйхъ дверей; у него рвется рукавъ.

Тирру! Стой! Ишь повхаль!... Рано, братъ, въ отставку... Вотъ, погоди, новый съ бариномъ сошьемъ, такъ на тебя и не взглянемъ тогда. Гмъ! Шутка сказать — сошьемъ!.. Да чтобъ сшить-то нужны деньги, а у насъ ихъ словно жаворонковъ зимой... Странно! Диви-бы баринъ-то деньги транжирилъ, а то и не транжиритъ больно, а какъ сквозь землю валятся... Вотъ что называется характеру-то нѣтъ!.. Хоть-бы у Ивана учился! Есть деньги, скажешь: выпей, Иванъ!.. И безпремьно выпью, ужъ безпремьно! *(Въ передней звонятъ)* Звони, звони, неравно колокольчикъ оборвешь... Ишь больно скоро надо! Вотъ дай срокъ, дочисти, такъ и отворю... Вѣрно Кондрашка изъ булочной. Ну, ужъ надеру я ему вихоръ. *(Снова сильный звонокъ)*. Тфу, ты окаянный! И впрямь колокольчикъ оборветъ!.. Иду, иду!..

СТРАХОВЪ *(изъ кабинета)*. Иванъ! Что ты, оглохъ, что-ли? Кто тамъ звонить?.. Пошелъ отопри!

ИВАНЪ. Тфу ты пропасть!.. Не сломя-же голову бѣжать-то! *(Уходитъ въ среднюю дверь, и тотчасъ-же возвращается съ Орехинымъ)*.

II.

ОРЪХИНЪ и ИВАНЪ.

ОРЪХИНЪ. Экая старая соня! Битыхъ полчаса заставилъ меня дожидаться на морозъ. Возьми шинель. Что, баринъ дома?

ИВАНЪ. Дома-съ, пожалуйста. Въ кабинетъ разныя дѣла пишуть-съ. Какъ-съ доложить объ васъ?

ОРЪХИНЪ. Николай Васильевич Орѣхинъ.

ИВАНЪ. Слушаю-съ. (*Уходитъ въ кабинетъ*).

III.

ОРЪХИНЪ.

Ха, ха, ха!.. Удружу-же я ему!.. Нельзя. Казусъ-то, казусъ-то вѣдь какой!.. Третьяго-дня сижу; кажется, непомню, Ицелу просматриваль... Вдругъ нарочный... Зовутъ къ Ивану Панкратьевичу. Одѣваюсь, иду... Иванъ Панкратьевичъ съ распростертыми объятіями не идетъ, а бѣжитъ ко мнѣ... Николай Васильевичъ! Что это ты? Что тебя такъ давно не видно!.. Странно, не ладно что-то... Прежде, бывало, Иванъ Панкратьевичъ, отчего-жъ, и приласкаетъ, да все какъ-то этакъ деликатно, важно. Что-то будетъ? Слово за слово... Что ты, говоритъ, Николай Васильевичъ, не женишься? Э, братъ, куда ты мѣтишь!.. Надо вамъ замѣтить, что у Ивана Панкратьевича есть воспитанница... этакъ воспитанница... Вѣрочка... ухъ! продувная дѣвчонка!.. Кажется нашего брата проведетъ, да и выведетъ... Такъ ты это Вѣрочку-то за меня хочешь отдать, думаю я... Спасибо, удружилъ!.. Нѣтъ, говорю, Иванъ Панкратьевичъ, я еще такъ молодъ... «Что-же, не въ шестьдесятъ-же лѣтъ тебѣ жениться?»... И пошелъ, и пошелъ... Часа три толковалъ все о женитьбѣ... О Вѣрочкѣ ни слова... Политикъ... Я вижу, нѣтъ, не отвернешься... Да оно-бы и отвертываться нечего, по настоящему... Ну, кому-бы, кажется, какъ не мнѣ, жениться на воспитанницѣ Ивана Панкратьевича?.. Ходатай по дѣламъ и секретарь, а онъ откупщикъ и богачъ... Другой-бы на моемъ мѣстѣ и съ руками и съ ногами... Да я-то немножко короче знакомъ съ положеніемъ дѣлъ, чѣмъ быть должно. Во-первыхъ, Вѣрочка немножко въ странномъ положеніи... Ну, да на это можно-бы было еще смотретьъ сквозь пальцы... Во-вторыхъ, она бойка черезчуръ... Ну, да и то-бы ничего; какъ-нибудь-бы справился... А вотъ, въ третьихъ-то, въ третьихъ... Вотъ что гадко!.. Положимъ, что Иванъ Панкратьевичъ и сулитъ за Вѣрочкой горы золота, да вѣдь это синица въ небѣ... Помню, братъ, я Сергѣя то Семеновича: ста рублями отдѣлался!.. Хоть онъ, можетъ-быть, для Вѣрочки-то и не надуетъ, да ужъ у меня характеръ такой: пока вотъ въ руки не положишь—не повѣрю!.. Иначе какъ разъ промахнешься, а поправить-то ужъ нечѣмъ: жена не рукавица, съ руки не сбросишь!.. Думаю себѣ, да слу-

шаю... Панкратъичъ мой не вытерпѣлъ, брякъ мнѣ: «Бери Вѣрочку, я тебя и въ люди-то выведу, и Крезомъ сдѣлаю!».. Я на отръзъ не сказалъ, что нѣтъ, дескать, не могу... Нельзя, сейчасъ съ мѣста долой.. Я ужъ знаю его... А палатой одной не разживешься, нынѣ тамъ строгонько... Вотъ я и началъ сперва про счастье толковать, которое доставляетъ мнѣ это предложеніе, а потомъ нечувствительно перешелъ... вѣдь вотъ находчивость!.. на то, что, дескать, у меня есть другъ, страстно влюбленный въ Вѣрочку, и потому я не хочу сдѣлать его несчастнымъ... Да вѣдь кого-же въ друзья-то выбралъ?.. Ха, ха, ха!.. Страхова!.. Вѣдь это другой думай, такъ не придумаетъ! Во-первыхъ, душа какая-то глиняная: только размочи, такъ что хочешь дѣлай... А главное—честолюбіе, честолюбіе есть!.. Первый шагъ сдѣланъ... Мы были въ ссорѣ, т. е. не въ ссорѣ, а такъ... я его въ загонъ держалъ... совершенно ненужный человекъ былъ. Теперь умаслить его надо, а тамъ... Надуетъ его Иванъ Панкратьевичъ — по-крайней-мѣрѣ не я пострадаю; не надуетъ — мнѣ же будетъ пожива!

IV.

ОРЪХИНЪ, СТРАХОВЪ, ИВАНЪ.

СТРАХОВЪ. Николай Васильевичъ!

ОРЪХИНЪ. Володя!.. Дружище!.. Что, небось, не ожидалъ? (Обнимаетъ его).

СТРАХОВЪ (съ радостію) Не понимаю, чему я обязанъ, что вижу васъ у себя?..

ОРЪХИНЪ Во-первыхъ, для тебя я не Николай Васильевичъ, а Коля, и не вы, а ты; во-вторыхъ, дай, пожалуйста, чего-нибудь согрѣться... эта старая рохля заморозила меня.

ИВАНЪ (всторону). Крапивой-бы тебя погрѣть, ругатель ты этакой!

ОРЪХИНЪ. Ты удивляешься, что я опять съ тобой безъ церемоній?.. Послѣ расскажу, послѣ... а теперь... бррр... какъ холодно!..

СТРАХОВЪ. Сейчасъ, сейчасъ!.. Иванъ, принеси скорѣе пуншу. (Иванъ уходитъ и вскорѣ возвращается, неся на поднось стаканъ съ пуншемъ, который подаетъ Орѣхину).

ОРЪХИНЪ. Ну, Володя, скажи: ты не сердись, что я совсѣмъ забылъ тебя?.. Нельзя, братецъ, дѣла!.. Вѣдь ты знаешь... Иванъ Панкратьевичъ шутить не любитъ. Да притомъ и въ свѣтъ-

то я попалъ... Въдь ты, братъ, еще не знаешь, что я за роль играю нынѣ!.. Почти каждый вечеръ у кого-нибудь... То у графа Краснопольскаго, то у князя Пронскаго... Ну, къ своимъ-то и некогда... А къ нимъ не быть нельзя... Знаешь, этикетъ.

СТРАХОВЪ. Да, ты теперъ въ большомъ свѣтъ, счастливецъ!.. Ты на большой дорогѣ къ почестямъ, къ знатности.. То, до чего, можетъ-быть, мы добиваемся, тратя жизнь по капль, тебѣ дастся безъ труда... Да не вѣсьмъ такое счастье!..

ОРЪХИНЪ. А знаешь-ли, Володя, что тебѣ стоитъ только сказать слово и ты будешь въ томъ-же самомъ большомъ свѣтъ и будешь занимать мѣсто, пожалуй, что поболье моего. Хотя всѣ и говорятъ обо мнѣ чортъ знаетъ что, но я всегда старался объ моихъ друзьяхъ... Примѣръ ты... Слушай-же!.. Вотъ въ чемъ дѣло... Въдь ты знаешь Ивана Панкратьевича, у котораго и секретаремъ?.. Въдь порядочный гусь?.. А?..

ИВАНЪ. Такъ-съ.

СТРАХОВЪ. Ну, ну!..

ОРЪХИНЪ. Видѣлъ ты у него воспитанницу, Вѣрочку?

СТРАХОВЪ. Къ чему это?

ОРЪХИНЪ. Въ этомъ-то, братъ, и вся штука. Она гдѣ-то видѣла тебя и влюбилась безъ памяти... Отдыху не давала Ивану Панкратьевичу... сосватай, да сосватай.. Онъ сперва не согласался, но тутъ подвернулся я. Я началъ выставлять твои прекрасныя качества... хотя, признаюсь, говорилъ противъ себя: я самъ, братъ, влюбленъ въ нее до безумія!.. Ну, и онъ, наконецъ, согласился. Что, каково!.. Ну, да обними-же меня, поблагодари!..

ИВАНЪ (про себя). Такъ-съ, да у насъ ужъ есть своя зазнобушка.

СТРАХОВЪ. Спасибо, другъ мой, спасибо!.. Ты послушалъ благородно... Но, къ несчастію, я не могу принять предложеніе Ивана Панкратьевича.

ОРЪХИНЪ (про себя). Вотъ тебѣ разъ!.. (Вслухъ). Володя! Въ умъ-ли ты?..

СТРАХОВЪ. Я уже сосватанъ.

ИВАНЪ (всторону). Да-съ, ужъ мы сосватаны.

ОРЪХИНЪ. Только-то! Вѣрно за какую-нибудь купчиху или дочь коллежскаго регистратора?.. Поздравляю!..

ИВАНЪ (всторону). Нѣтъ, гни нынѣ.

СТРАХОВЪ. Невѣста моя предостойная дѣвушка. Конечно она не богата, но родители ея честные люди.

ОРЪХЯНЪ (*про себя*). Дѣло скверно!.. (*Вслухъ*). Ну, дай Богъ, въ добрый часъ!.. Такъ ты, стало-быть, только похвасталъ, помнишь, какъ мы выходили изъ пансіона, что какими-бы то ни было путями, а ужъ будешь чѣмъ-нибудь поболье насъ?.. Эхъ! канальство!.. Одно досадно: что я напрасно хлопоталъ!.. Теперь Иванъ Папкратъевичъ такой носъ натянетъ, что будемъ помнить!.. Дуракъ я былъ!.. Мнѣ-бы самому посвататься, а тутъ за другихъ хлопочешь... По-крайней-мѣрѣ, обезпечилъ-бы себя на всю жизнь. Триста или четыреста тысячъ давалъ онъ за ней— не помню!..

ИВАНЪ (*всторону*). А! Вотъ оно что!..

СТРАХОВЪ. Серебромъ?

ОРЪХЯНЪ (*про себя*). Гнется! (*Вслухъ*). Конечно, серебромъ... Да это вздоръ!.. Онъ можетъ ежегодно давать столько-же: дѣтей, вѣдь, нѣтъ... А вотъ что главное — въ люди вытасить. Вотъ хоть-бы мѣсяца два тому назадъ, сидимъ мы въ кабинетѣ.. Слово за слово... Онъ и говоритъ мнѣ: Что у тебя, братецъ, за чинъ? Такимъ-ли ты долженъ быть?.. Мнѣ тогда рѣшительно не въ догадъ, на что онъ намекаетъ. Потомъ ужъ понялъ, что онъ Вѣрочку-то за меня прочилъ. Волосы рвалъ на себѣ, когда узналъ правду-то!.. Вѣдь давно-бы статскимъ былъ!..

ИВАНЪ (*про себя*). Батюшки свѣты!..

СТРАХОВЪ. Ужъ и статскимъ?..

ОРЪХЯНЪ. Статскимъ, ей Богу мало!.. Дѣйствительнымъ статскимъ! Ты, братъ, не знаешь, что за человекъ этотъ Иванъ Папкратъевичъ. Какіе къ нему вельможи-то вздять... Вотъ на дняхъ еще четыре туза у него объдали... какъ честный человекъ!.. Еще Вѣрочкѣ комплиментовъ-то, комплиментовъ сколько наговорили!.. А который-то изъ нихъ, не помню, говоритъ: я вашему мужу, говоритъ, звезду на свадьбу пришлю... Ей Богу, не вру!..

ИВАНЪ (*про себя*). Царь ты нашъ небесный!

СТРАХОВЪ. Ужъ и звезду!.. Ты увлекся немножко.

ОРЪХЯНЪ. Вотъ еще!.. Что-жъ, я вратъ, что-ли, буду!.. Звезду, да еще какую—съ брилліантами!.. Конечно, не на фракъ, а такъ себѣ, фермуаръ какой-нибудь... А тамъ, пожалуй, и на фракъ получишь... Не понимаю тебя!.. Да еслибы мнѣ предложили выборъ, я-бы ни минуты не колебался: хорошенькая жена,

четыреста тысячъ и звезда въ перспективѣ! . Въ маскарадѣ-ли, въ театрѣ-ли—всѣ тебѣ почтеніе отдаютъ .. А женишься на своей благородной, да бѣдной, такъ и сиди на шахъ, да на кашъ... да и то дай Богъ, а то какъ и всего ничего... Да еще она рога тебѣ приставитъ... Знаемъ мы этихъ благородныхъ, да бѣдныхъ!..

Иванъ (*всторону*). Резонтъ, резонтъ!.. Ишь ты, скажи на милость!.. Съ виду-то скаредный какой, а и впрямь онъ Владиміру-то Ивановичу добра хочетъ.

Страховъ. Не клевети напрасно!.. Можетъ-быть, вслѣдствіе этого брака, я и въ-самомъ-дѣль буду въ бѣдственномъ положеніи, но она не обманетъ меня... Ты не знаешь этой дѣвушки .. Она любитъ меня болѣе всего на свѣтѣ?..

Орехинъ. Можетъ-быть, не спору, но согласись самъ, какъ можно промѣнять Вѣрочку, съ такою блестящею карьерою, на какую-нибудь Сашу или Машу, съ которой ты... ну, годъ проживешь счастливо.

Страховъ (*съ увлеченіемъ*) Вѣчно!

Орехинъ. Ну, два, три — много!.. Да потомъ-то что вы будете дѣлать?.. Пойдутъ дѣти, пойдутъ нужды, а денегъ нѣтъ. . Въдѣ не милостыню-же идти просить... Въ Аркадіи дѣло другое, можно-бы было и безъ хлѣба жить, да въдѣ у насъ-то Петербургъ, а не Аркадія... И прощай тогда всѣ твои золотыя мечты!..

Иванъ (*про себя*). Резонтъ, Резонтъ!..

Орехинъ. Впрочемъ, какъ хочешь!.. Что я, въ-самомъ-дѣль, стараюсь!.. Въдѣ мнѣ-же лучше: не тебѣ, такъ мнѣ она достанется!..

Иванъ (*всторону*). Нѣтъ, ужъ, братъ, врешь!.. (*Вслухъ*). Батюшка, Владиміръ Ивановичъ!.. Что тутъ больно думать-то?.. Ну что мы съ Марьей-то Андреевной станемъ дѣлать?.. Въдѣ пора намъ и объ себѣ-то подумать!.. Вонъ и сюртучишка-то ваша въдѣ больно плоховать... Что мы въкъ-то будемъ биться, какъ рыба объ ледъ?.. Баринъ-то вамъ добра хочетъ.

Орехинъ. Въдѣ вотъ пѣшка, болванъ, а посмотри какъ умно разсуждаетъ!.. Ну, есть-ли въ тебѣ разсудокъ-то! . Ну, вотъ, взгляни, — дуракъ, болванъ, а какъ онъ понялъ это съ-разу!.. Дѣльно, Иванъ, дѣльно!.. Что дѣльно,—то дѣльно!..

Иванъ. То-есть оно, вотъ видите-ли, по пословицѣ: рыба ищетъ гдѣ глубже, человекъ гдѣ лучше!.. Вотъ-съ мы какъ смѣкаемъ... Я вотъ вашей милости, вотъ отъ сердца скажу: вижу, что вы барину-то добра желаете. . Ну, сами посудите, какъ мы живемъ-

то!.. Вѣдь страмъ!.. А тутъ ухъ! фономъ какимъ Иванъ-то прикатилъ-бы на дворъ... Ливрея-бы темная... пуговицы золотыя, большущія... А вамъ бы, Владиміръ Ивановичъ, мы-бы шубку кунью, аль соболью сшили, съ бобрікомъ... Часики этакъ-бы... Лихача... Кто ѣдетъ?.. Мы-ста!..

СТРАХОВЪ. Нѣтъ, нѣтъ!.. Не хочу, не хочу!..

ОРЪХИНЪ. Да что это въ-самомъ-дѣль?.. Вѣдь это, братъ, не жить, значить... Эхъ, кабы тебя-то на свѣтъ Божій пустить!.. То-то, я думаю, пыли-то пустилъ-бы въ глаза!..

ИВАНЪ. Да-съ, ужъ утерли-бы носы.. -то всѣмъ! Владиміръ Ивановичъ!.. послушайте старика... Ухъ, какими-бы мы королямъ-то зажили тогда!.. (*Всторону*). Водки-то, водки-то... ведрами-бы держали!..

ОРЪХИНЪ. Ну-же, рѣшайся скорѣй... Мнѣ еще надо ѣхать съ визитомъ.. Ну, да?

СТРАХОВЪ. Нѣтъ, нѣтъ!.. Ужъ я тебя сказалъ и не перемѣню своего слова.

ОРЪХИНЪ (*встаетъ и застѣмывается. Всторону*). Врешь, братъ!... За что-жъ я потѣлъ столько времени съ тобою?.. Экое красно-рѣчіе!.. Вѣдь вотъ что значить въ бѣду попасться: откуда что берется... Ну, не сегодня, такъ завтра... Ужъ я тебя знаю... Погнешься... За что-жъ изъ-за тебя я долженъ мѣста-то лишиться. (*Вслухъ*). Ну, желаю тебѣ счастья съ твоей возлюбленной!.. Впрочемъ, ты подумай. Я завтра заверну къ тебѣ. До свиданія!..

СТРАХОВЪ. Прощай!.. Но знай напередъ, что я не перемѣню своего намѣренія

ИВАНЪ. Эхъ, баринъ, неладно, неладно!.. Какой случай-то богатющій унущаете!.. Эхъ, неладно, неладно!..

ОРЪХИНЪ. Да ты обсуди на свободѣ, хорошенько обсуди!.. Вспомни, что отъ этого зависитъ твоя карьера... Прощай! (*Уходитъ*).

V.

СТРАХОВЪ и ИВАНЪ.

ИВАНЪ. Владиміръ Ивановичъ!.. Да тутъ и думать-то нечего... Брякнули-бы «да», и дѣло съ концомъ!.. (*Всторону*). Эхъ Ванька!.. По губамъ тебя помазали только!.. Нѣтъ!.. Знать, намъ дорогу-то черная кошка перебѣжала!.. (*Уходитъ. Страховъ сидитъ у стола, задумавшись*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ИЗБРАЛЪ ДРУГУЮ ДОРОГУ.

Небогато меблированная столовая. Посреди диванъ, передъ диваномъ столъ; подлѣ дивана шкафъ.

I.

МАШЕНЬКА вынимаетъ чашки изъ шкафа и разставляетъ ихъ на столѣ.

Володъ, папенькъ, маминькъ, мнѣ... четыре. Ну, а какъ Володя не будетъ?.. Нѣтъ, будетъ непременно будетъ, ужъ я знаю, что будетъ. Да, вотъ лучше на узелки... *(Вынимаетъ платокъ и дѣлаетъ узелки)*. Съ узелкомъ будетъ, безъ узелка — нѣтъ. *(Вынимаетъ съ узелкомъ)*. Ну вѣдь я говорила, что будетъ. Ужъ я-же накажу его. Цѣлый вечеръ ни слова. Пусть съ папашей о Кутузовѣ толкуютъ. Всегда его встрѣчала, теперь и встрѣчать не пойду. Вѣдь это надо совѣсть знать, третій день ни всточки... *(Стукъ за дверью)*... Кто тамъ!? Ужъ не Володя-ли!? Побѣгу скорѣе. Эта Сидоровна опять вѣрно посвѣтитъ за-была *(Бѣжитъ къ дверямъ)*.

II.

СИДОРОВНА входитъ съ самоваромъ. МАШЕНЬКА набѣгаетъ на нее.

Сидоровна. Легче, легче, матушка! Ишь чуть, чуть не обарилась. Я бы дверь-то и сама отворила.

Машенька. Ахъ, это ты, Сидоровна.

Сидоровна. Вѣстимо я. *(Ставитъ самоваръ)* Не ужто не узнала? Слава Богу, не въ первый разъ встрѣчаемся. Ишь, какъ кипитъ! *(Обтираетъ самоваръ фартукомъ)*.

Машенька. Нѣтъ, я такъ, въ темнотѣ не разобрала.

Сидоровна. Чай Владимира Ивановича поджидала. Ишь его, прости Господи, и слѣдъ-то простылъ.

Машенька *(насыпаетъ чай въ чайникъ и ставитъ его на самоваръ)*. Да, знаешь, Сидоровна, онъ будетъ сегодня, непременно будетъ. На узелкахъ гадала, — вышло, что будетъ.

Сидоровна. Эхъ, лебедушка ты моя, карты не узелкамъ чета, а и то врутъ.

Машенька. Ахъ да, голубушка, Сидоровна, погадай-ка на картахъ мнѣ, пожалуйста, не случилось-ли чего съ Владимиромъ?

Сидоровна. Боюсь, красавица; мамаша увидитъ, оиать мнѣ нагоняй дастъ.

Машенька. Ничего, вотъ я у дверей постою, покараулю (*Идетъ къ дверямъ*).

Сидоровна. (*вынимаетъ изъ кармана карты*). Машенька, какой онъ бубновый аль трфовый? Совсѣмъ изъ ума вонъ

Машенька. Трфовый, трфовый. (*Сидоровна перекладываетъ карты. Машенька все ближе и ближе подходитъ къ столу*).

Сидоровна. На сердць-то, ишь, у него какая-то трфовая дама.

Машенька. Ну, это я.

Сидоровна. Хлопоты большія... Четыре туза : исполненіе желаній. Марьяжъ въ головахъ. Ишь, маленькія деньги. Большая постель. Ишь, марьяжъ-то съ бубновой дамой.

Машенька. Ну, Сидоровна, карты-то завираться начали. Какой-же марьяжъ съ бубновой дамой, когда онъ любитъ меня, трфовую.

Сидоровна. То трфовая, а то бубновая.

Машенька. Да развѣ можно любить двухъ заразъ? Ты, Сидоровна, не знаешь еще, что такое любовь.

Сидоровна. Не знаю; ишь ты, матушка. Что-жъ я не человекъ что-ли? (*Прибодрлсь*). Да я, почитай, пригожве тебя еще была въ свое время. Кровь съ молокомъ. Посмотрѣла-бы ты, какъ въ мое-то время любились. Вотъ, хоть-бы мой покойный Парфенычъ, царство ему небесное. Какъ полюбилась я ему, то-то пошелъ ворочать. Противъ всего міру пошелъ, да на мнѣ женился. Отецъ-то старикъ говоритъ:—Куда ты, Ванька, ишь у тебя невѣсты-то есть, не Анюткѣ чета. Куда, и руками и ногами. Въ амбаръ заперъ, думалъ образумится, и изъ амбару-то тягу даль, да ко мнѣ ирпбъжалъ. Дня не вытерпѣлъ.. Удалая голова была, нечего сказать. Да въ супружествѣ-то Господь счастья не даль; ишь что значить противъ отца-то пойти: трехъ годковъ не выжилъ, Богу душу отдалъ, царство ему небесное! (*Возрѣмя этого разсказа Сидоровна машинально перебрасываетъ карты. Машенька задумывается*).

III.

ВОЛГИНА входитъ, МАШЕНЬКА и СИДОРОВНА.

Волгина. Опять карты. Машенька! смотри ты самоваръ упустила. Ну какъ тебѣ не стыдно, сколько разъ я тебѣ говорю, чтобъ ты эти карты бросила. Ну прилично-ли благовоспитанной дѣвицѣ гадать въ карты... А ты, старая, ну не грѣхъ-ли тебѣ; пора объ смерти думать, а не объ картахъ.

Сидоровна. Грѣхъ, матушка, грѣхъ Анна Павловна, да что-жъ дѣлать; лукавый силенъ. Нѣтъ, нѣтъ, да и перекинешь,

Волгина. Ступай въ кухню; да не засни опять; не равно кто придетъ. (*Сидоровна уходитъ*).

IV.

ВОЛГИНА и МАШЕНЬКА.

Машенька. (*Подходя къ Аннѣ Павловнѣ*). Мамашенька, прости-те меня, въ послѣдній разъ сегодня.

Волгина. Все въ послѣдній разъ. Вѣрно о Владиміръ?

Машенька. Никакъ не могла удержаться Загадала, будетъ-ли Володя сегодня. Вышло, что не будетъ.

Волгина. Ты опять за старое. Сколько разъ я тебѣ говорю, чтобы ты не вѣрила этимъ картамъ.

Машенька. Мамашенька, да я и безъ картъ прежде думала, что онъ непременно придетъ сегодня, а теперь вижу, что нѣтъ.

Волгина. Это отчего?

Машенька. Да, Сидоровна рассказывала, что если кто любитъ кого, тотъ жить безъ него не можетъ. А онъ не хочетъ для меня отъ дѣлъ оторваться на минуту. Нѣтъ, вѣрно онъ не любитъ меня (*Плачетъ*).

Волгина. Полно, полно, дурочка. Сидоровна сама не знаетъ, что болтаетъ... Поди, зови отца чай пить. (*Машенька уходитъ*).

V.

ВОЛГИНА одна.

Что это въ-самомъ-дѣль сдѣлалось съ Владиміромъ. Прежде бывало не пропустить ни одного дня, а вотъ послѣднія три недѣли раза четыре только всего и былъ. И то придетъ такой холодный, задумчивый; каждый разъ собирался мнѣ что-то сказать и, видно было, не рѣшался. Еслибы хотѣлъ что-нибудь сообщить о свадьбѣ, такъ тутъ нечего таить. Ужъ не раздумалъ-ли онъ жениться на Машенькѣ? Можетъ-быть встрѣтилъ партію повыгоднѣе. Нѣтъ, онъ, кажется, слишкомъ благороденъ и слишкомъ молодъ для этого (*Садится къ столу*).

VI.

ВОЛГИНЪ, съ очками на лбу и съ газетами, МАШЕНЬКА за нимъ, ВОЛГИНА.

Волгинъ (*обращаясь къ Аннѣ Павловнѣ*). А, Володя, здорово, здорово; а на-ко почти—каково? А?

Машенька (*бросаясь къ двери*). Папаша, гдѣ вы видите Владимира? Тутъ нѣтъ Владимира.

Волгинъ. Тѣфу, чортъ побори, эки глаза-то, подумаешь, стали: въ трехъ шагахъ Анны Павловны отъ Владимира не могъ различить. Эхъ, старость не радость! Бывало, какъ мы съ покойнымъ Императоромъ подъ Парижъ ходили, что за глаза у меня были! Каждую пылинку бывало увидишь. А что это, въ-самомъ-дѣль? Володи и сегодня нѣтъ.

Волгина. Вѣрно дѣла задержали. Теперь у него дѣль много, къ ревизіи что-ли готовится.

Волгинъ. Ну, исполать ему. Служба вещь великая, со службою negliжировать негодится. Дѣло молодое, работать надо. Ну, кто къ чему. Вотъ мнѣ такъ не далась судейская наука; зато я саблю довольно поработалъ на своемъ вѣку. Машенька! а ты что пригорюнилась? Погоди, женой будешь, такъ еще надовствъ. Вотъ спроси-ка у матери. Что вѣдь, Анна Павловна, надовль я тебя? а? въ чистую цора? Ну вотъ скоро, скоро приберусь.

Волгина. Полно, Андрей Петровичъ, пустяки-то говорить, только Машеньку сбиваешь. На, вотъ чаю.

Волгинъ (*беретъ чай*). Машенька, полно хрюмиться-то. Вотъ почитай-ка намъ лучше, что пишутъ съ Кавказа.

Машенька. Извѣстія съ Кавказа, папаша!

Волгинъ. Да, да...

Машенька (*читаетъ*). По послѣднимъ извѣстіямъ, полученнымъ изъ Абхазіи, многочисленное скопище черкесовъ, подъ начальствомъ Шамиля, двинулось къ нашему лѣвому флангу... (*Зво-нятъ въ колокольчикъ*)... и расположилось... Папаша, я сейчасъ приду...

Волгинъ. Сиди, сиди, и самъ найдетъ дорогу.

Машенька... При рѣкъ... (*Оглядывается*).

Волгинъ. Ну.

VII.

ТѢЖЕ, СИДОРОВНА, за пою ИВАНЪ.

Машенька. Володя.

Волгинъ. Ха, ха, ха, хя.. Вотъ и не слѣпая, да Сидоровну за Володю приняла. Молодца, молодца!

Сидоровна. Вотъ-съ лакей Владимира Ивановича желаетъ васъ видѣть.

Волгинъ. А, Иванъ. Ну что скажешь новенькаго?

Машенька (*подходя къ нему*). Что, Владиміръ Ивановичъ будетъ сегодня? Да говори-же.

Иванъ. Гмъ (*про себя*). Какъ-бы этакъ политичнѣе начать? Хорошо, что я хватилъ, этакъ для смѣлости.

Волгинъ. Ну что-жъ ты молчишь?

Иванъ. Да я вотъ къ вашей милости, отъ Владиміра Ивановича.

Волгинъ. Ну знаемъ. Что онъ?

Иванъ. Слава Богу, здоровъ. Вчера что-то немножко покачивалъ, да ничего прошло-сь. Малины на ночь напился.

Волгинъ. Да я не про то спрашиваю. Зачѣмъ онъ послалъ тебя?

Иванъ. Дѣло-сь большой важности, и довольно-сь конфузное.

Волгинъ. Что-жъ онъ самъ не пришелъ. Между друзьями это не водится. Ну, что-жъ это за дѣло?

Иванъ. Дѣло вотъ-сь какъ было. То есть, видите-ли, этакъ-сь въ прошломъ мѣсяцъ этакъ было, не припомню-сь котораго числа...

Волгинъ. Прямо, по солдатски, безъ предисловія; терпѣть не могу.

Иванъ. Нельзя-сь, Андрей Петровичъ, ей Богу, нельзя, дѣло ужъ такое.

Волгинъ. Ну, чортъ съ тобой. Только смотри, скорѣй къ дѣлу.

Иванъ. Въ прошломъ мѣсяцъ, объ эту пору, стучится къ намъ господинъ, еще чуть, чуть, окаянный, колокольчикъ не оборвалъ. Обругалъ меня на чемъ свѣтъ стоитъ, и соней-то, и рохлей; ну, сами извольте знать, какая я рохля? Спать таки соснемъ иногда, а рохля такъ ужъ это, кажется, что нѣтъ...

Волгинъ. Что-жъ тебѣ сто разъ что-ли говорить, безъ предисловія, болванъ!

Иванъ. Оно, пожалуй, и болванъ, да все-же не рохля; какой я рохля? Да я какъ расхожусь, такъ другому молодому за мной не угнаться...

Волгинъ. Что ты меня бѣсить что-ли хочешь? Да, я тебѣ, старѣй хрѣнь, за это все ребра перелломаю.

Волгина. Не горячись, ради Бога, Андрей Петровичъ, вѣдь ты, знаешь какъ это для тебя вредно... Говори, говори, Иванушка, только покороче...

Иванъ. То есть оно, вотъ видите-ли, хоть я и хрюнь, а драться не смѣешь.

Волгинъ. Ахъ ты каналья, это еще что? грубиянить сталь? Да я и не вижу: ты пьянь сегодня. Вонъ сейчасъ.

Иванъ. Оно то есть пьянь, не пьянь, а такъ, для куражу, выпимши. А драться все не смѣешь...

Волгинъ. Вонъ! вонъ! Дай только придти Владиміру Ивановичу, ужъ я тебя докажу дружбу.

Иванъ. Да то-то, что Владиміръ-то Ивановичъ для васъ фю... Але маширъ...

Волгинъ. Это еще что?

Иванъ. Такъ-съ, ничего-съ. Полно намъ съ вами-то амуриться, пора въ отставку. Вотъ-съ и радея отъ баршна.

Волгинъ. Что это?

Иванъ. Такъ-съ ничего-съ. Письмо къ вашей милости отъ Владиміра Ивановича.

Волгинъ. Письмо!? Ну ка, Маша, прочти, что тутъ такое.

Иванъ. Прочтите-съ, прочтите-съ, матушка, тамъ и про васъ есть кое-что.

Машенька (*беретъ письмо и поспѣшно распечатываетъ*). «Милостивый Государь Андрей Петровичъ! Непредвидѣнные обстоятельства разстроили всѣ мои надежды. Я выбралъ себѣ другую дорогу, составилъ новый планъ жизни, и потому долженъ отказать почти отъ всего, къ чему былъ привязанъ. Другими словами, я не могу болѣе жениться на.. вашей...дочери...» Ахъ! Господи подкрепи меня. (*Сквозь слезы*) «Я вы...бралъ себѣ другую подругу жизни (*Рыдаетъ Андрей Петровичъ, Анна Павловна и Сидоровна въ большомъ изумленіи*).

Волгинъ. Далѣе, далѣе...

Машенька. Паленька, голубчикъ, не могу... не могу... Господи, что со мной, я съ ума сойду... Сидоровна! перо бумаги... я напишу къ нему... я сама побѣгу къ нему. Иванъ, пойдѣмъ, пойдѣмъ, пойдѣмъ. Охъ, пойдѣмъ, пойдѣмъ... Иванъ, да ты пошутилъ вѣрно, признайся, пошутилъ, вѣдь это не правда? нѣтъ?

Иванъ. (*плача*) Эхъ, сердечная. Правда, матушка барышня, сущая правда, видитъ Богъ, правда. Этотъ фертикъ окаянный сбиль его съ толку-то. Слышь на начальницъ на какой-то женить хочеть.

Машенька. Что, онъ любитъ ее?

Иванъ. Кто ихъ знаетъ; вѣрно слюбились, когда женятся.

Машенька. Да нѣтъ, нѣтъ, не повѣрю; вѣдь это грѣшно!

Иванъ. Грѣшно, ей Богу, грѣшно...

Машенька. Охъ не ожидала я этого. Господи, Господи, прогнѣвала я Тебя... Охъ, голова, голова (*Падаеть безъ чувствъ. Андрей Петровичъ и Анна Павловна бросаются къ ней*).

Волгѣна. Сидоровна, воды, воды скорѣй!.. (*Сидоровна идетъ за водой. Иванъ приноситъ со стола чашку съ кияткомъ, но опомнившись, ставитъ назадъ*).

Волгѣнъ. Обмерла совсѣмъ... Маша, Машенька, Машенька, да полно голубочка ты моя.. И дышать перестала. Уухъ! (*Выпрямляясь*) Иванъ, съ глазъ долой. Чтобъ нѣкогда нога ни твоя, ни твоего барина не была въ моемъ домъ. Скажи ему, что онъ подлець, чтобы онъ не встрѣчался со мной, а то я ему покажу, какъ насмѣхаться надъ сѣдинами отца и простотою дочери... Вонъ, вонъ... съ глазъ долой... (*Иванъ хочетъ идти. Сидоровна вовремя этого разговора приноситъ воды и вмѣстѣ съ Анной Павловной приводятъ въ чувство Машеньку*).

Машенька (*приходя въ себя*) Иванъ, ты здѣсь еще Папаша, не гоните его. Онъ невиноватъ. Поди сюда, Иванъ, поди... кланяйся твоему барину, пожелай ему счастья, и скажи, что онъ глубоко, глубоко огорчилъ меня, но Богъ ему судья. Иванъ, скажи ему еще, нѣтъ, не теперь... когда-нибудь такъ, при случаѣ, что я все еще люблю его. Господи! прости его (*Снова лишается чувствъ*).

Иванъ. Слушаю, матушка, слушаю. Экъ ее раскачало, сердечную! (*Иходитъ пошатываясь. Всп хлопочутъ около Машеньки*).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ,

ПОКРОВИТЕЛЬ.

Богато-меблированная гостиная.

I.

СТРАХОВЪ и СЕМЕНЪ.

СТРАХОВЪ (*входитъ заспанный, въ халатъ и потягивается*) Тьфу чортъ возьми, такъ глаза и слипаются. Семенъ, что Вѣра Михайловна встала?

СЕМЕНЪ. Чай кушать изволятъ-съ. Васъ приказали будить.

СТРАХОВЪ (*про себя*). Чай пьетъ. Ну вѣрно нерано. Она ра-

но вставать не любить (*Бьетъ 12 часовъ*). Господи! 12 часовъ. Опять проспалъ! А все эти балы проклятые (*Вслухъ*) Что-жь ты меня раньше не будилъ?

СЕМЕНЪ. Да я васъ три раза будилъ сегодня, да вы въ меня шандаломъ чуть, чуть не пустили, гнѣвались, что спать не даютъ.

СТРАХОВЪ. Еще-бы ты среди ночи пришелъ. И этого-то сдѣлать не умѣешь. Пошелъ.

СЕМЕНЪ (*про себя*) Ужъ известно лакейское-то житье. На баръ никогда не угодишь. (*Уходитъ*).

II.

СТРАХОВЪ и ВѢРА МИХАЙЛОВНА входятъ.

СТРАХОВА. А вы, встали? Не стыдно-ли такъ долго спать?

СТРАХОВЪ. Да вѣдь это все вы-же виноваты: таскаете меня по баламъ, Богъ знаетъ зачѣмъ.

СТРАХОВА. Вотъ еще новости: мужъ есть, а я буду одна въѣзжать въ свѣтъ. Стыдитесь, ужъ и такъ всѣ смѣются надъ вами.

СТРАХОВЪ. Да, что вы мнѣ поминутно приставляете рога.

СТРАХОВА. Ха, ха, ха, ха!.. Вотъ забавно. Вы я вижу начинаете ревновать. Поздно спохватились.

СТРАХОВЪ. Есть чѣмъ хвастаться.

СТРАХОВА. Что вы тамъ ворчите; не извольте; вы знаете, я этого не люблю... Да, вотъ зачѣмъ я пришла къ вамъ. Поѣзжайте къ М-мъ Вихманъ, спросите, готова-ли шляпка, которую я заказывала ей. Да потомъ у Рабонъ возьмите карамелекъ, да завѣзжайте еще къ Фроманто...

СТРАХОВЪ. Я не могу, у меня голова болитъ послѣ вчерашняго.

СТРАХОВА. Что такое? Вы не хотите вѣхать?

СТРАХОВЪ. Не могу.

СТРАХОВА. Я вамъ приказываю.

СТРАХОВЪ. Да если я не могу.

СТРАХОВА. Что вы уморить, что-ли, меня хотите? Что ни попроси, ничего не дѣлаетъ. Вотъ наказаніе-то Божіе. Это не мужъ, а варваръ какой-то. Я все для него дѣлаю, а онъ для меня пустяковъ не хочетъ сдѣлать (*Плачетъ*). Такъ вы не поѣдете?

СТРАХОВЪ. Я сказалъ уже, что нѣтъ. Что я вамъ, въ-самомъ-дѣль, за мальчикъ достался?

СТРАХОВА. Ну хорошо, не вздите; не надо... Ужь нажалуюсь-же я на васъ Ивану Панкратьевичу. Погодите, варваръ этакой!

СТРАХОВЪ. Да сами посудите, вѣдь минуты отдыха нѣтъ. Вчера цѣлый день, какъ курьеръ, на посылкахъ былъ, сегодня тоже. Вѣдь это надобно совѣсть знать.

СТРАХОВА. Ну, не вздите, не надо, васъ не принуждаютъ; а ужъ будетъ Ивану Панкратьевичу сказано (*Идетъ къ двери*).

СТРАХОВЪ. Вѣра Михайловна! Это м-мъ Вихманъ напротивъ Анщикова Дворца?

СТРАХОВА. Что, небось испугались? На насъ все надо угрозами дѣйствовать; такъ-то вы меня любите?

СТРАХОВЪ. (*про себя*), Терпѣть не могу.

СТРАХОВА. Что, что? что вы сказали?.. Повторите. А?

СТРАХОВЪ. Я сказалъ, что я изъ любви къ вамъ только и исполняю всѣ ваши прихоти.

СТРАХОВА. То то, а мнѣ послышалось другое. (*Уходитъ*).

III.

СТРАХОВЪ (*одинъ*). Да это просто каторга какая-то. Слова не смѣй сказать напротивъ. Эхъ, карьера, карьера! дорого ты мнѣ досталась. Ну, что толку въ томъ, что и деньги у меня есть, и связи, да тутъ-то (*указывая на сердце*) нѣтъ ничего. Ни къ кому даже привязанности, то не чувствуешь, и поговорить-то отъ сердца не съ кѣмъ. Жена — да это извергъ какой-то. Машенька, Машенька, теперь только узнаю я всю цѣну тебѣ. Что-же дѣлать, прошедшаго не воротишь. А чего-бы я не далъ за свое милое прошедшее. (*Задумывается*).

IV.

СТРАХОВЪ СЕМЕНЬ входитъ,

СЕМЕНЬ. Владиміръ Ивановичъ! Васъ спрашиваетъ какой-то господинъ... Не говоритъ фамиліи... Говоритъ: вызови самого барина, мнѣ очень нужно...

СТРАХОВЪ. Гдѣ онъ?.. Позови сюда.

СЕМЕНЬ. Тамъ-съ, въ передней. Сейчасъ. (*Уходитъ*).

V.

СТРАХОВЪ, ЕГОРОВЪ, за ними СЕМЕНЬ,

СТРАХОВЪ. Что вамъ угодно?

ЕГОРОВЪ (*входитъ робко, застегнутъ на всѣ пуговицы*). Вели-

те вашему лакею выйти; у меня есть дѣло, которое я хочу сообщить вамъ наединѣ...

СТРАХОВЪ. Семенъ, стулай вонъ... Садитесь, сдѣлайте одолженіе. (*Семенъ уходитъ*).

VI.

СТРАХОВЪ, ЕГОРОВЪ садится на кончикъ стула; вовемя разговора часто приподнимается.

Егоровъ. Владиміръ Ивановичъ! извините меня, что я обезпокоилъ васъ... Владиміръ Ивановичъ! будьтенисходительны... Вы меня въ первый разъ видите... Вамъ покажется страннымъ, что я явился къ вамъ прямо съ просьбою... Но видитъ Богъ, меня принудили къ тому обстоятельству...

СТРАХОВЪ. Вы хотите просить меня? О чемъ-же?...

Егоровъ. Владиміръ Ивановичъ! Я служу съ вами въ одномъ департаментѣ... я слышалъ о добротѣ вашего характера. Со мной случилось несчастіе... Три дня тому назадъ я проигралъ... деньги, которыми надо было заплатить... Пойдите, пойдите, я знаю послѣдствія... у меня есть мать старуха... я своими трудами кормлю ее... Она умретъ, когда узнаетъ, что со мной случилось... Владиміръ Ивановичъ! будьте великодушны... Вамъ ничего не стоитъ... дайте мнѣ триста рублей... Вы заставите вѣкъ за себя Богу молиться... Я не лгу... Владиміръ Ивановичъ... вы справитесь можете... Извините! вамъ странно кажется, что я пришелъ къ вамъ за этимъ... но что-жъ дѣлать, утопающій хватается за соломинку... я отдамъ вамъ... вотъ жалованье получу скоро. Вы, можетъ-быть, также бросите куда-нибудь эти деньги... Сдѣлайте доброе дѣло; Богъ васъ наградитъ за это.

СТРАХОВЪ. Я вѣрю вамъ, молодой человекъ... дѣйствительно; вы правы. Благодарю, что обратились ко мнѣ... Глядя на васъ, я вспоминаю свое прежнее положеніе... я также вѣдь былъ бѣденъ; по себѣ сужу, какъ больно, если вездѣ встрѣчаешь отказъ... Возьмите... Не играйте больше, нехорошо. (*Егоровъ со слезами бросается и хочетъ поцѣловать его руку.*)

СТРАХОВЪ (*отдергивая руку*). Не надо, не надо... Что вы, что вы... Еслибы съ вами въ жизни случилось тоже, вы, вѣрно, тоже-бы не отказали.

Егоровъ. О! Владиміръ Ивановичъ! никогда, никогда не за-

буду я вашего поступка... Какъ мнѣ благодарить васъ... Богъ васъ наградитъ за это... Черезъ мѣсяцъ я непременно принесу вамъ эти деньги... Извините, Владиміръ Ивановичъ, что я васъ оставляю... Развязаться скорѣе хочется... Благодарствуйте, благодарствуйте...

СТРАХОВЪ. Ступайте, ступайте, только не говорите никому пожалуиста... (*Егоровъ уходитъ.*)

СТРАХОВЪ. Какъ-будто на душѣ отлегло... Въ-самомъ дѣлѣ, бросилъ-бы также куда-нибудь эти деньги, безъ всякаго удовольствія, а теперь хоть есть человѣкъ, который не разъ вспомнитъ меня...

VII.

СТРАХОВЪ, СИДОРОВНА входятъ и въ нерѣшительности останавливаются у дверей.

СТРАХОВЪ (*оборачивается*). Сидоровна?..

Сидоровна. Здравствуйте батюшка Владиміръ Ивановичъ!

СТРАХОВЪ. Какъ ты здѣсь?..

Сидоровна. Да я вотъ второй мѣсяцъ у вашей милости въ судомойкахъ служу... Сказали, что господа-то почиваютъ, такъ я и пришла на ваши хоромы полюбоваться... Эка богатень!..

СТРАХОВЪ. Какъ, ты развѣ больше не у Волгиныхъ?..

Сидоровна. Съ Покрова другой годъ пошелъ, какъ отошла...

СТРАХОВЪ. Что Марья Андреевна, вѣрно, замужъ вышла?..

Сидоровна. Нѣтъ, не больно-то замужъ пойдетъ, какъ бѣды, да горе со всѣхъ мѣстъ повалили...

СТРАХОВЪ. Что ты?.. Какія бѣды?

Сидоровна. Да вотъ, не во гнѣвъ вашей милости будь сказано, съ той-то норы, какъ мы отъ васъ письмецо-то получили, почитай ни одного дня спокойнаго не было. Сначала барышня-то было захворала, а тутъ и баринъ свалился. Лихоманка что-ли одолѣла. Барышня туда, сюда; сама-то хворая, а ночей не спала сердешная, все за нимъ ходила. Только недолго мы съ ^{нимъ} промаялись; вѣрно Богу понадобился: черезъ двѣ недѣли и Богу душу отдалъ. А барыня съ полгода спустя скончалась. Осталась моя Марья Андреевна круглой сиротинкой. Да спасибо добрымъ людямъ, мѣстечко ей въ губернанки нашли, въ Ринбургъ что-ли. Ну, а мнѣ, знамо, не у кого и служить-то стало. А ужъ, кажется, ни за что-бы не оставила. Рѣдкое семейство

было. Эхъ, баринъ! Богъ вамъ судья. Не намъ темнымъ людямъ судить объ этомъ, а нехорошо, больно нехорошо вы съдѣлали.

(*Страховъ задумывается. Изъ другой комнаты слышенъ голосъ Вѣры Михайловны.*) Такъ онъ еще не уѣхалъ?

Сидоровна. Ахти, батюшки свѣты, барыня! Ну бѣжать скорѣе. Крута больно, говорятъ. (*Уходитъ*).

VIII.

СТРАХОВЪ одинъ.

Нехорошо, самъ знаю, что нехорошо; а ты думаешь, не мучить меня совѣсть! Ухъ какъ мучить!..

IX.

СТРАХОВЪ и ВѢРА МИХАЙЛОВНА.

ВѢРА МИХАЙЛОВНА. Такъ вы еще не уехали? Съ кѣмъ это вы разговаривали? А?

СТРАХОВЪ. Что-жъ мнѣ и слова нельзя сказать безъ вашего позволенія?

ВѢРА МИХАЙЛОВНА. Знаю я васъ! Вы все шапши только затѣваете...

СТРАХОВЪ. Да вѣдь съ кѣмъ я говорилъ-то—со старухой.

ВѢРА МИХАЙЛОВНА. А вы думаете, я не слышала, объ чемъ вы съ ней говорили... Вы думаете я не слышала? Что вы это еще затѣваете? Ужъ и то послушайте-ка, что говорятъ про васъ... Вы думаете, я не знаю, гдѣ вы были третьяго дня вечеромъ.

СТРАХОВЪ. Вечеромъ! Да вечеромъ я кажется, и изъ дому не выходилъ.

ВѢРА МИХАЙЛОВНА. Изъ дому не выходили! Вы еще лгать смѣете...

СТРАХОВЪ (*про себя*). Ахъ какое наказаніе. Наконецъ я не вытерплю.

X.

СТРАХОВЪ, ВѢРА МИХАЙЛОВНА, АКУЛОВЪ входятъ; около него суетится ОРЪХИНЪ.

Акуловъ. Хорошенько его, хорошенько! Башмакомъ, башмакомъ! Ха, ха, ха, ха... Фу, батюшки, какъ усталъ. Насилу вкарабкался. Присѣсть немножко.

СТРАХОВЪ (*про себя*). Вотъ еще мой мучитель. Подличать надо передъ нимъ. Трудно, а необходимо. (*Орѣхинъ бросается за креслами. Страховъ идетъ за ними нехотя. Вѣра Михайловна предупреждаетъ ихъ.*

АКУЛОВЪ (*садится*). Уфъ!..

ВѢРА МИХАЙЛОВНА. Папашенька, душечка...

АКУЛОВЪ (*беретъ ее за подбородокъ и цѣлуетъ*). Здравствуй, здравствуй, забѣяка. Нака тебѣ гостинца. (*Вынимаетъ изъ кармана футляръ съ серьгами*).

ВѢРА МИХАЙЛОВНА. Ахъ, какая прелесть; что за добренькій этотъ папаша! (*Бросается къ нему и цѣлуетъ его*).

АКУЛОВЪ. Вкусно небось... 500 рублей стоятъ.

ВѢРА МИХАЙЛОВНА. Ахъ, какія миленькія, какія миленькія! (*Еще разъ цѣлуетъ его*).

АКУЛОВЪ. Да это что, вздоръ! Вотъ погоди, я тебѣ подарочекъ-то готовлю.

ВѢРА МИХАЙЛОВНА. Какой, какой?.. Скажите, папашенька.

АКУЛОВЪ. Увидишь, увидишь. А теперь скажи, за что ты своего разиню-то пушила?

ВѢРА МИХАЙЛОВНА. Такъ, ничего...

АКУЛОВЪ. Тото ничего (*Страхову*). Смотри ты у меня, береги Вѣрочку, а то я тебя, знаешь?

СТРАХОВЪ (*про себя*). Эхъ, скрѣпя сердце, надо плясать по дудкѣ этого стараго волокиты. (*Вслухъ*). Да, я и то, кажется, угождаю ей во всемъ.

АКУЛОВЪ. Тото-же (*Орѣхину*). Трубку; да поворачивайся-же. (*Суетня*).

АКУЛОВЪ. Да, совсемъ-было забылъ. Володька, поди сюда, смотри прямо въ глаза.

СТРАХОВЪ (*про себя*). Что еще онъ выдумываетъ.

АКУЛОВЪ. А кто въ Шестилавочной жилъ? А?

ОРѢХИНЪ (*толкаетъ его локоткомъ*). Вы обещались не сказывать.

АКУЛОВЪ (*Орѣхину*). Ну, пошелъ.

СТРАХОВЪ. Въ Шестилавочной? Не знаю.

АКУЛОВЪ. А къ кому ты записочки-то писалъ? На комъ жениться-то хотѣлъ?

СТРАХОВЪ. Кто вамъ сказалъ? Я ни на комъ не хотѣлъ жениться.

АКУЛОВЪ. А что, тебѣ одной жены мало? А?

СТРАХОВЪ Помилуйте, я въ первый разъ слышу объ этомъ.

АКУЛОВЪ Въ первый разъ... Ахъ ты мошенникъ..! Такъ, вѣрно, я лгу? Лгу, вѣрно, я? Да отвѣчай-же. (*Кашляетъ*).

СТРАХОВЪ. Я не говорю этого.

АКУЛОВЪ Волныными или Волгиными кого звали? А? (*Орхину*). Такъ кажется. (*Орхину въ большомъ затрудненіи, однако качаетъ утвердительно головою*).

АКУЛОВЪ. Что ты думаешь, я позволю тебѣ за другими ухаживать? Что я, на муку что-ли тебѣ Вѣрочку-то даль... Мвнять её на какихъ-то распутныхъ женщинъ. А?

СТРАХОВЪ (*Акулову.*) Удержите свой языкъ. Дѣвица, о которой вы говорите, можетъ-быть, почестнѣе вашей Вѣрочки. Правда, я любилъ ее, но любилъ еще до женитьбы.

АКУЛОВЪ. Да ты что! грубиянить что ли мнѣ сталъ. А? Да ты знаешь, я тебя въ бараній рогъ согну! Да ты знаешь, я тебя изъ дому выгоню?

СТРАХОВЪ. Я и то уже довольно потернѣлъ отъ васъ и отъ вашей Вѣрочки Дѣлайте что хотите, но говорить худо о людяхъ, память которыхъ для меня священна, я не позволю.

АКУЛОВЪ (*въ бѣшенствѣ. До конца этого явленія его мучитъ удутье*). Молчать! Это что? Ахъ ты молокососишка! Ахъ ты оборвышь эдакой! Да какъ ты мнѣ смѣешь говорить это!

СТРАХОВЪ. Я три года сносилъ отъ васъ и отъ вашей Вѣрочки все, три года страдалъ; наконецъ изъ всякаго терпѣнія выйдемъ. Что я за мальчикъ въ-самомъ-дѣлѣ вамъ? Женѣ не смѣй слова сказать, по вашей дудкѣ пляши...

АКУЛОВЪ. Ахъ ты мерзавецъ! Это еще что... Да по чьей милости ты живешь-то; По моей дудкѣ пляши?.. Да чей хлѣбъ ѣлъ то ты? Свой что-ли. Да ты долженъ у меня въ ногахъ ползать. Да ты знаешь-ли, я тебя завтра-же изъ дому выгоню...

СТРАХОВЪ. Въ ногахъ ползать! Иванъ Панкратьевичъ, вы забываетесь... Если пришла очередь считаться, такъ вы болѣе обязаны мнѣ. Кто-бы взялъ вашу Вѣрочку? Это я только дуракъ нашелся... погнался Богъ знаетъ зачѣмъ... Вы хотите меня изъ дому выгнать, такъ сами-же прежде уберетесь... Вонъ изъ моего дому!.. (*Вѣра Михайловна подбѣгаетъ къ Страхову, тотъ ее отталкиваетъ*).

СТРАХОВЪ.. Мнѣ ненужно менторовъ и покровителей. Къ

чорту съ вашей карьерой, когда она приноситъ мнѣ одни страданія и безпокойства... Всѣ ваши вещи сегодня-же будутъ возвращены вамъ... Вонъ... и чтобъ нога ваша не была здѣсь болѣе. Иначе смотрите, не забудьте, что я хозяинъ въ своемъ домѣ.

Акуловъ. Какъ, какъ... мерзавецъ! Да какъ ты смѣешь сказать мнѣ это. Меня вонъ... Да знаешь-ли я тебя... Меня вонъ... *(Закашливается)*.

Страховъ. Если вы не выйдете сейчасъ вонъ, я васъ вслю вывести. Слышите?

Акуловъ. Да я тебѣ.. *(Страховъ звонитъ)*.

XI.

Тѣже, СЕМЕНЬ и ЯКОВЪ входятъ.

Страховъ. Семень, Яковъ выведите его. *(Семень и Яковъ стоятъ въ недоумльи)*.

Страховъ. Что же, слышите?

Акуловъ. Ууухъ... Ну, Володька, смотри, берегись ты у меня... Фу, батюшки *(Уходитъ)*.

Вѣра Михайловна. Папашенька, папашенька, погодите! Онъ съ ума сошелъ.

Акуловъ. Да что вы сговорились что-ли сегодня... Ужъ докажу-же я вамъ... *(Уходитъ закашливаясь. Оръхинъ за нимъ Во все время этой сцены онъ метался отъ Страхова къ Акулову, стараясь удержать обоихъ. Семень и Яковъ за ними)*.

XII.

СТРАХОВЪ и ВѢРА МИХАЙЛОВНА.

Вѣра Михайловна *(бросаясь къ Страхову)*. Что вы это, нищими насъ хотите сдѣлать? Какъ вы смѣли..?

Страховъ. Молчать! Слышите, не забудьте, что съ этой поры я мужъ, а не мальчикъ вашъ... Маршъ въ свою комнату!

Вѣра Михайловна. Ай, дурно, дурно, ай умираю, умираю... *(Падаетъ на диванъ)*.

Страховъ. *(Звонитъ. Входитъ Семень)*. Семень, принеси ведро холодной воды.

Семень. Слушаю-съ *(Уходитъ)*.

ВѢРА МИХАЙЛОВНА. Фу, легче, легче немножко... Охъ, прошло, прошло.

СТРАХОВЪ (*звонитъ. Входитъ Семенъ*). Не надо.

СЕМЕНЪ. Слушаю-съ (*Уходитъ*).

СТРАХОВЪ. Теперь ступайте къ себѣ въ комнату, снимайте эти шелки, да бархаты. Мы должны жить теперь своими трудами...

ВѢРА МИХАЙЛОВНА. Я не привыкла къ этому; я умру съ горя...

СТРАХОВЪ. Я буду очень радъ: избавлюсь отъ лишней тяжести.

ВѢРА МИХАЙЛОВНА. Владиміръ Ивановичъ! простите меня; я буду хорошей женой, клянусь вамъ! Не лишайте меня всего этого! Вы знаете, я выросла на этомъ.

СТРАХОВЪ. Не просите, теперь это необходимость. Намъ неоткуда получать болѣе на ваши расходы...

ВѢРА МИХАЙЛОВНА. Поѣдьте къ Ивану Панкратьевичу, попросимъ у него прощенія: онъ добрый, онъ проститъ васъ...

СТРАХОВЪ. Просить прощенія! Ни за что! Это значитъ опять закабалить себя. Благодарю... Чтобы вы опять командовали мною...

ВѢРА МИХАЙЛОВНА. Я исправлюсь, Владиміръ Ивановичъ! Я исправлюсь, клянусь Богомъ, исправлюсь! Хоть для дѣтей сдѣлайте. Вѣдь дѣтямъ-же надо что-нибудь! (*Плачетъ*). Ради Бога, хоть для дѣтей. Смотрите, я на коленяхъ прошу васъ, Владиміръ Ивановичъ. Владиміръ Ивановичъ, неужели вы мнѣ не вѣрите. Вѣдь вы насъ по міру пустите.

СТРАХОВЪ. (*тронутый*). Ну, Богъ милостивъ, какъ-нибудь да проживемъ (*Про себя*) А въ-самомъ-дѣль, я немножко необдуманно поступилъ.

ВѢРА МИХАЙЛОВНА. Ахъ какъ вы безжалостны, Владиміръ Ивановичъ, Богъ вамъ судья.

СТРАХОВЪ. Да ужъ теперь поправить нечѣмъ, еслибы и захотѣли.

ВѢРА МИХАЙЛОВНА. Я сама поѣду къ нему...

СТРАХОВЪ. Онъ васъ прогонитъ также, какъ я прогналъ его. Вы развѣ забыли, что онъ сказалъ вамъ при уходѣ.

ВѢРА МИХАЙЛОВНА. Что мнѣ дѣлать? Что мнѣ дѣлать? (*Уходитъ*).

XIII.

СТРАХОВЪ и **ОРЪХИНЪ** отворяетъ до половины дверь и выглядываетъ.

ОРЪХИНЪ. Володя, ты здѣсь одинъ? Позволь, позволь, не сер-

дись, позволь...ей, ей невиновать! ей, ей, непарочно. Такъ съ языка сорвалось... Въ постель онъ легъ вчера, не спится, ну а я тутъ подъ бокомъ былъ. Вельль онъ мнѣ что-нибудь рассказать. Я и давай про свои похождения... Да сонъ что ли меня клонилъ, или чортъ попуталъ, и проболтался... вѣдь волосы рвалъ на себѣ потомъ...

СТРАХОВЪ. Я нисколько не сержусь на тебя; напротивъ благодаренъ тебѣ за то, что ты доставилъ мнѣ случай высказать всю правду этому грубіану.

ОРЪХИНЪ. Эхъ братъ, Володя, видѣлъ ты какъ меня трясло. За тебя братъ все... Что ты надѣлалъ-то вѣдь, подумай ка! Вѣдь безъ куска хлѣба останешься; вѣдь это все его.

СТРАХОВЪ. Молодъ еще—достаю.

ОРЪХИНЪ. Ахъ, не говори, Володя! Трудно нынѣ хлѣбъ доставать, ой какъ трудно! вотъ на себѣ испытываю. Да вотъ хоть-бы у Ивана Панкратьевича.... за всѣ мои долговременныя старанія, за весь, такъ сказать, потъ и кровь, которыя я пролилъ за него, едва едва выплакалъ тысячу рублишковъ, да и то еще подъ заемное письмо; сегодня уплатить обьщался... Охъ, трудно, трудно...

СТРАХОВЪ. Что дѣлать, безъ труда ничего не дастся.

ОРЪХИНЪ. Оно такъ, а все, братъ, обезпечить-то себя лучше. Вѣдь я тебѣ какъ другъ говорю. Вѣдь, сознайся, дурно вѣдь сдѣлалъ, дурно немножко? Но совѣсти скажи. Дурно вѣдь?

СТРАХОВЪ. Да, если сообразить съ послѣдствіями, несовсѣмъ-то хорошо.

ОРЪХИНЪ. Ну, а если дурно, такъ надо исправить. Какъ ты думаешь; вѣдь надо, если дурно-то?

СТРАХОВЪ. Да чѣмъ теперь поправишь? Нечѣмъ, еслибы и хотѣлъ.

ОРЪХИНЪ. Вотъ гдѣ друзья-то истинные познаются—въ несчастіи. Другой-бы плюнулъ на тебя, а я такъ пришелъ. Да еще пришелъ-то съ чѣмъ... Вѣдь я тебѣ жизнь возвращаю. Ужъ ты на меня положиись. Будешь ты опять съ старикомъ въ дружбѣ. Трудно, а ужъ для друга, кажется, себя не пожалю...

XIV.

Тѣже, ВѢРА МИХАЙЛОВНА.

ВѢРА МИХАЙЛОВНА. (скоро). Николай Васильевичъ! Ну что Иванъ Панкратьевичъ?

ОРЪХИНЪ. Ахъ, Володя, я и забылъ тебѣ сказать. Въдъ Ива-на-то Панкратьевича-то порядкомъ это порастрясло... лежитъ себѣ на диванъ, да охаетъ; все головой жалуется... Оставить было нельзя, ужъ только ради дружбы прибѣжалъ.

ВЪРА МИХАЙЛОВНА. Николай Васильевичъ! не знаете-ли вы сред-ства, какъ помочь нашему горю? Помирите насъ съ Иваномъ Панкратьевичемъ.

ОРЪХИНЪ. Да я вотъ и предлагаю Володѣ средство, да онъ не рѣшается.

ВЪРА МИХАЙЛОВНА. Володинька! душечка! рѣшайся, рѣшайся скорѣе. Въдъ ты не захочешь насъ по міру пустить? Да говори-же, говори!

СТРАХОВЪ. Ну, дѣлайте что хотите, я на все согласенъ

ВЪРА МИХАЙЛОВНА. Николай Васильевичъ! ступайте, ступайте скорѣй, скорѣй... Скажите ему, что Володя вснылилъ, что теперь онъ раскаивается въ этомъ... или ужъ тамъ что сами знаете. Да ступайте-же скорѣе...

ОРЪХИНЪ. Конечно, я это дѣлаю изъ одной дружбы, вотъ хоть сердце выньте, да посмотрите, изъ одной дружбы; но согласитесь сами, что въдъ не ровенъ часъ, я могу тутъ все потерять; въдъ я, хоть и холостой человекъ, но скоро думаю жениться; что будетъ съ моею женою, дѣтьми...

XV.

ТЪЯКЕ, СЕМЕНЪ вѣбгаеть.

СЕМЕНЪ. Владиміръ Ивановичъ! Владиміръ Ивановичъ! Сейчасъ отъ Ивана Панкратьевича прибѣжали. Онъ Богу душу отдалъ. Кондрашка, знать, хватилъ. .

ОРЪХИНЪ. Что, что... Что такое? Повтори. Какъ? Да какъ это? Да этого быть не можетъ! А деньги-то мои какъ-же? Да какъ-же, деньги-то мои?.. (*Бьетъ себя по головѣ*). Ахъ, каналья, бестія, мошенникъ, что ты надѣлалъ! Въдъ деньги-то твои пропали! Семенъ! Да можетъ-быть несовсѣмъ еще умеръ. Обмеръ мо-жетъ-быть. (*Про себѣ*). Повѣситъ-бы тебя надо, каналью, за ка-книп-нибудъ ста рублями погнался, а тутъ 1000 потерялъ! (*Убѣгаетъ*).

ВЪРА МИХАЙЛОВНА. Боже мой! Мы нищія! Да, нѣтъ, не хочу, не буду я нищей! (*Къ Страхову*). Вотъ что вы надѣлали, а! Извергъ вы этакой! По міру жену съ дѣтьми пустили! Не хочу-

же съ вами жить. Подайте все мои вещи. Знать васъ не хочу.
(Уходитъ).

СТРАХОВЪ. Бѣдный Иванъ Панкратьевичъ! Господи! Неужели я былъ причиною его смерти? Нѣтъ, онъ самъ виноватъ. Хотя и много неприятностей дѣлалъ онъ мнѣ, а все жаль. Прощай моя карьера! Да и слава Богу! много перенесъ я черезъ тебя.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

КАРЬЕРА СДѢЛАНА!

Залъ въ трактирѣ, на-лѣво буфетъ.

I.

ПОЛОВОЙ сидитъ за буфетомъ.

Эко времячко! Съ утра почитай никого не было; и пріѣзжихъ-то нѣту... Этакъ и прогорѣть недолго... Дви-бы въ захолустъ въ какомъ-нибудь, а то вѣдь на большой дорогѣ... Намедни-съ вотъ баринъ сказывалъ, что у насъ-де оттого не бываетъ никого, что подаютъ все... скверное... Еще-бы ему, выдумалъ супъ какой-то; ужъ не припомню, съ чѣмъ онъ сказалъ... А мы и не слыхивали про сунъ-то такой. Сказать, молъ, что дѣлать его не умѣемъ — нельзя себя осрамить... И подали ему тотъ-же бульонъ, да мучицы немножко подболтали... Вѣдь чуть, чуть, окаянный, всего въ лицо не вылилъ... А самъ виноватъ. Зачѣмъ чортъ знаетъ что спрашиваетъ... Ну, слава Богу, вотъ кого-то Богъ даетъ.

II.

ПОЛОВОЙ и ОРЪХИНЪ въ сюртукъ съ разорванными локтями и въ измятой шляпѣ.

ОРЪХИНЪ. Здравствуй, любезный, здравствуй. Ну, что, какъ поживаешь?

Половой. Живемъ помаленьку, покуда Господь носить.

ОРЪХИНЪ. Ну, кажется, не помаленьку: ишь у тебя просторъ-то какой (оглядываетъ комнату). Славно, братецъ, славно. Какъ все это хорошо убрано! Чудо, братецъ! Да вашъ трактиръ, право, лучшій въ городъ.

Половой. Нѣтъ-съ; вотъ на Спасской Зябликова отель-съ тотъ гораздо лучше будетъ.

Орѣхинъ (*во все время этого монолога онъ старается спрятать свои разорванные локти*). Что ты, братецъ. Да въ тебѣ самолюбія нѣтъ нисколько. Зябликова? Да это не трактиръ, а сарай просто. Кормятъ-то чѣмъ, ты-бы посмотрѣлъ? Я было дался въ обманъ. Пріѣзжаю къ вамъ въ городъ вчера изъ Петербурга. Первое дѣло говорю ямщику: вези меня въ лучшую, смотри въ самую лучшую гостиницу. Люблю, знаешь, чтобы все этакъ хорошо было... особенно повѣсть. И привозить. Гадко, сыро! Ну, думаю, за неимѣніемъ лучшей и эта годится. Заказалъ обядъ. Ха, ха, ха!—И смѣшно и досадно: то есть все, что ни есть наисквернѣйшаго, это онъ ввалилъ мнѣ въ щи, и подалъ. Въ Петербургъ пріѣду, нарочно выпишу Зяблкова, чтобы онъ мнѣ эти щи сварилъ; для смѣху, именно для смѣху. Ну, думаю, чортъ съ тобой, съ обѣдомъ, даромъ деньги пропадаютъ; дай хоть вина порядочнаго. Клико спросилъ. Ну ужъ и подалъ мнѣ клико... То есть, я тебѣ говорю, еслибы не приличіе—не люблю себя ронять предъ вашимъ братомъ,—все-бы въ рожу влѣпилъ. Шестнадцать цѣлковыхъ за все;.. я удивляюсь, какъ сорока не спросилъ.

Половой (*въ-сторону*). Прячь, прячь локти-то; эка шаромыга! Нѣтъ, братъ, стараго воробья на мякинѣ не надуешь. Не съ твоими локтями клико-то пить.

Орѣхинъ. Что, смѣшно? Какъ не смѣшно. Ужъ и я, братъ, вчера просто животики надорвалъ. Какъ вспомню, что я изъ щей-то вытащилъ. Ну-у-у! Сегодня всталъ, да и думаю: нѣтъ, Зябликовъ, спасибо, калачемъ больше къ себѣ не заманишь. Ужъ лучше къ Архинову пойду: тамъ, говорятъ, посовѣстливѣе. Вхожу и удивляюсь. Да не въ Петербургъ-ли я? (*Оглядывается кругомъ*).

Половой (*въ-сторону*). Ишь его разсыпаетъ, ишь его разсыпаетъ! Вымаклячить, вѣрно, что-нибудь хочеть. Да нѣтъ, братъ, не умаслишь. (*Вслухъ*) Куда намъ до Питера! Къ намъ и господъ-то такихъ не завязываетъ.

Орѣхинъ Ну, ей Богу, какъ въ Петербургъ: и экраны, и зеркала; все это. . . чудо, чудо, братъ! (*наклоняется къ буфету, какъ будто для того, чтобы лучше рассмотреть*). А что это, скажи, у васъ бутербродъ съ телячьимъ бульономъ?

Половой. Точно такъ-съ. Съ жалвемъ-съ.

Орѣхинъ. Превкусно должно быть?

Половой. Да-съ, деньги стоятъ-съ.

Орехинъ (*протягивая руку*). Пстой-ка я попробую.

Половой (*отстраняя руку*). Пятачекъ-съ пожалуйте.

Орехинъ. Да вотъ съѣмъ, такъ и отдамъ.

Половой. Впередъ-съ; оно върнѣ будетъ.

Орехинъ (*показывая на графинъ съ водкой*). А это какая у васъ.

Половой. Рябиновая.

Орехинъ. Что-то на цвѣтъ, какъ-будто, блѣдна немножко (*прищуривается и наклоняется къ графину*),

Половой. Нѣтъ-съ, настоящая, какъ быть должно.

Орехинъ. Какъ-будто травникъ?

Половой. Нѣтъ-съ травникъ, тотъ потемнѣе будетъ-съ.

Орехинъ (*подноситъ графинъ къ носу*). Странно, на рябиновку что-то не похоже. Дай-ка попробовать немножко.

Половой. Денежки пожалуйте.

Орехинъ. Опять ты, братецъ. . Да ужъ не пропадетъ за мной. Мнѣ вѣдь только узнать. Немножко, на языкъ, чуточку, на доньшкѣ...

Половой. Нелься-съ; вѣдь мы также съ мѣрой принимаемъ. Всякому будемъ давать пробовать, такъ и ничего не останется.

Орехинъ. Да развѣ я всякой! Ты знаешь, кто я?

Половой. Тамъ мнѣ дѣла нѣтъ, кто ты такой; — принеси денегъ, такъ хошь весь графинъ вынешъ, на здоровье.

Орехинъ. Гмъ! (*отходитъ въ сторону*). Рябиновая... (*облизывается и чмокаетъ*). Превкусная вѣдь вещь, каналья! Скверно. денегъ-то нѣтъ. Это старый воробей; его не проведешь. Сразу раскусилъ, въ чемъ дѣло. Гмъ, канальство; а вышить надо. Сюртукъ развѣ по боку. Оно-бы ничего. Вѣдь нынѣ лѣто; неслишкомъ холодно. Вѣдь мужики-же, вонъ, въ однихъ рубашкахъ ходятъ. Да приличія проклятыя, да и изношенъ-то онъ немножко. Впрочемъ попробую (*половому*). Послушай, любезный, такъ ты мнѣ не хочешь повѣрить въ долгъ?

Половой. Нѣтъ, братъ, не проклажайся по пустому, не умаслишь.

Орехинъ. Да я-бы тебѣ что-нибудь въ залогъ оставилъ.

Половой. Ужъ не сюртукъ ли?

Орехинъ (*про себя*). Нѣтъ, дока на доку нашелъ. (*вслухъ*).

А что?

Половой. Да то, что ступай, братъ, пока не протурили. У насъ не кабакъ, чтобы вещи-то закладывать.

ОРЪХИНЪ. Ну, братецъ, будешь каяться. На зло-же тебѣ, пойду къ Зябликову, и все у него возьму на чистыя деньги.

Половой. Ступай, ступай, не равно тамъ по шеѣ протурять.

ОРЪХИНЪ (*про себя*). Однако положеніе! (*половой дѣлаетъ движеніе, чтобы вывести его*).

ОРЪХИНЪ. Ты, пожалуйста, оставь; я такъ самъ съ собой разговариваю. (*про себя*). Да я говорю, положеніе-то какое! Съ утра ничего во рту не было, да и не будетъ, кажется, ничего. Да гдѣ-жѣ, сами посудите. Въдь эти каналы трактирщицы... (*указывая на полового*), шшь, смотритъ, какъ-будто чуетъ, что про него говорятъ... насквозь видятъ человека. Еще вотъ этотъ нсмнужко поделикатище: въ разговоръ вступилъ; нтъ, вотъ у Зябликова,—въдь вралъ все,—тамъ сразу въ шею. Еще говорятъ, въ провинціи бараны какіе-то. Хороши бараны! Да въ Петербургъ мнѣ, честный человекъ, слова-бы не сказали, на десять рублей повѣрили, ей Богу на десять рублей повѣрили-бы. Однако, гдѣ-бы эдакъ денегъ достать? Скверно безъ денегъ... Ба, да вотъ кого-то Богъ даетъ.

III.

ТѢЖЕ и **СТРАХОВЪ.** Лицо его покрыто преждевременными морщинами; платье взпошено.

СТРАХОВЪ (*входитъ и бросается на диванъ*.) Дай воды...

ОРЪХИНЪ. Что за чортъ, лицо знакомое. На Страхова, какъ-будто, похоже; да нтъ, шинелишка что-то больно плоховата, въдь тотъ фарсунъ... Ну, Страховъ, ей Богу, Страховъ. Какъ это его сюда занесло? Ну, да объ этомъ послѣ, а теперь какъ-бы у него денегъ повыпросить. Подъедемъ.

СТРАХОВЪ (*про себя*). Бѣдныя дѣти мои! Что съ вами будетъ завтра? Мнѣ не миновать тюрьмы. Заемное письмо подано ко взысканію... Заплатить нечѣмъ... Чуть, чуть не предъ всѣмъ городомъ на колыняхъ ползалъ... Совѣты, да сожалѣнія... Да мнѣ денегъ надо. (*Половой подаетъ воду*.)

СТРАХОВЪ. Что тебѣ?

Половой. Воды приказывали.

СТРАХОВЪ. Ахъ, да: (*беретъ воду и пьетъ*) Фу...

Половой. Еще чего не прикажете-ли?

СТРАХОВЪ. Нтъ.

Половой. Бпштексъ, маянезъ, жалый есть.

СТРАХОВЪ. Ничего не надо.

Половой (отходя, про себя.) Э, да ты, кажись, такой-же маклакъ, какъ вотъ энтотъ... Ну, денекъ!

IV.

ТѢЖЕ и ЕГОРОВЪ въ дорожномъ платьѣ.

Егоровъ. Послушай, рюмку водки и порцію чего-нибудь... Гмъ... бифштекса. Да скорѣй; мнѣ надо сейчасъ вхвать.

СТРАХОВЪ. Егоровъ... Я спасенъ... Самъ Богъ послалъ его (Идетъ къ Егорову.)

Егоровъ (замѣтля движеніе Страхова, про себя.) Что за подозрительная физиономія... И идетъ ко мнѣ... Что онъ это? Ужъ не денегъ-ли просить? Какъ скверно на этихъ постоянныхъ дворахъ: всегда подобныя исторіи. Ба, Страховъ; отъ этого дешево не отдѣлаешься. Еще у насъ съ нимъ маленькія дѣла есть. (отворачивается въ сторону и напиваетъ.) Трала, ла, ла... (Разсматриваетъ картинку на стѣнѣ, какъ-будто не замѣчая Страхова.)

СТРАХОВЪ (подходитъ и беретъ его за руку.) Павелъ Ивановичъ!

Егоровъ. Что тебѣ надобно?

СТРАХОВЪ. Вы не узнаете меня?

Егоровъ. Въ первый разъ вижу.

СТРАХОВЪ. Конечно, можетъ-быть лѣта такъ перемѣнили насъ .. Впрочемъ странно... Я Страховъ.

Егоровъ. Страховъ?.. Не помню.

СТРАХОВЪ. Не помните? Странно! Неужели въ-самомъ-дѣль? Лѣтъ шесть, семь тому назадъ... Впрочемъ грѣшно и неблаго-родно вспоминать о томъ, что я для васъ сдѣлалъ.

Егоровъ. Ты вѣрно ошибаешься. Я Страхова, не помню, кажется, никакого не зналъ... (Половой подаетъ подносъ съ водкой и закуской).

СТРАХОВЪ. Ну, не зналъ, такъ не зналъ .. Такія вещи въ-самомъ-дѣль скоро забываются... Впрочемъ, я не ожидалъ этого; вы, кажется, не изъ такихъ были ..

Егоровъ. Да что, ты въ самомъ-дѣль ко мнѣ привязался; да что тебѣ надобно отъ меня... Пришелъ, и началъ читать мнѣ на-таціи. Что это такое?..

СТРАХОВЪ (не слушая его) Ну, не зналъ, ну конечно, объ этомъ и говорить нечего... Теперь, Павелъ Ивановичъ, я обращаюсь къ вамъ не какъ къ знакомому, а какъ человѣкъ къ человѣку...

Вамъ покажется это немного страннымъ; вы, можетъ-быть, такъ какъ вы не знаете меня, примете меня за плута, который ищетъ случая, какъ-бы только выманить деньги... Вы видите, что дѣло идетъ объ деньгахъ.

Егоровъ (*про себя.*) Такъ и есть.

Страховъ. Но выслушайте, ради Бога, выслушайте меня... войдите въ мое положеніе: у меня двое дѣтей... второй день ничего не ѣли... завтра они лишатся послѣдней опоры... меня посадятъ въ тюрьму... я задолжалъ... чтобы прокормить ихъ... Для васъ немного пятьдесятъ цѣлковыхъ... дайте мнѣ ихъ... когда-нибудь я отдамъ вамъ...

Егоровъ. То есть ты, братъ, вѣрно промотался, а теперь еще на мотовство просишь. Нѣтъ, я не люблю бросать деньги, и притомъ пятьдесятъ цѣлковыхъ.

Страховъ. Промотался... Грѣхъ вамъ Павелъ Ивановичъ! Мотъ-ли я былъ. Чего тутъ мотать, когда вѣсть нечего... Вѣдь послѣ жены-то ничего не осталось... Въ Петербургъ-то еще кое-какъ бился, жилъ... А вотъ добрые люди нашлись: повзжай, говорятъ, въ Новгородъ, мѣсто дадимъ. На дорогу-то поиздержался, что было продалъ; повхалъ... обманули; другой нашелся... А между-тѣмъ вѣдь день за днемъ идетъ, вѣдь ѣсть надо; послѣднее золожилъ, занялъ... все мало. Вѣдь вотъ скоро зима будетъ... у сынишки-то рубашенка одна только... Самъ-то еще какъ-нибудь да прожилъ-бы: туда, сюда забѣжишь погрѣться; а вѣдь имъ и выйти-то некуда, а дома топить надо... дровъ нѣтъ; да и изъ квартиры-то скоро выгонять... Промотался!.. Павелъ Ивановичъ, Павелъ Ивановичъ! сжальтесь, сжальтесь, будьте человѣкомъ... Вѣдь вы думаете легко мнѣ теперь просить, легко взять отъ васъ. Вѣдь я милостыню прошу... Гордъ я былъ, знаете, лишній разъ голову было нагнуть тяжело, а теперь руку протягиваю... вѣрно жутко пришлось. Неужели вы еще не вѣрите мнѣ? Вы богаты... пятьдесятъ цѣлковыхъ вамъ ничего не значатъ. Да вѣдь я у васъ и не совѣтъ прошу: отдамъ когда-нибудь. Сжальтесь, Павелъ Ивановичъ, сжальтесь!

Егоровъ. Да ты, любезный, кажется, съ ума сошелъ. Пятьдесятъ цѣлковыхъ. А поди-ка достань-ка ихъ. Я конечно хотя и имѣю деньги, но бросать по пятидесяти цѣлковыхъ каждому встрѣчному, попережному: да это ужъ, я не знаю, что такое...

Страховъ. Павелъ Ивановичъ! Не встрѣчный я... Совѣсти въ васъ нѣтъ, Павелъ Ивановичъ. Я стерпѣлъ, когда вы не узнали меня,

стерпѣль, когда издѣвались надо мною, но теперь не могу болѣе.. Неблагородно считается тѣмъ, что я сдѣлалъ для васъ, но вы выкудили меня. Я встрѣчный! Немного такихъ встрѣчныхъ встрѣтите вы въ жизни... Помните, лѣтъ шесть, семь тому назадъ, вы прѣшли ко мнѣ... вы были въ такомъ же положеніи, какъ я. Нѣтъ хуже... Я едва зналъ васъ. . вы просили не пятьдесятъ цѣлковыхъ, болѣе. Вы мотали, вы за карты задолжали, помните... Я не прогналъ васъ, а могъ-бы; я не сказала вамъ, что глупо давать каждому встрѣчному, поперечному деньгн... а вы были встрѣчный; я даже мотомъ не назвала васъ... я вамъ далъ денегъ... Конечно, я былъ тогда богатъ, мнѣ ничего не стоило; да и вы вѣдь не бѣдны; притомъ я у васъ прошу долгъ. Павелъ Ивановичъ, грѣшно этимъ шутить. Вы можете сдѣлать добро челоуьку, и... убиваете его. На меня смотрите... вѣдь я втрое богаче васъ былъ... думалъ-ли я, что дойду до этого; а вотъ Богъ наказалъ.. да что?.. долго рассказывать.

Егоровъ (во все продолженіе этого монолога ему неловко; онъ ищетъ случая какъ-бы уйти поскорѣе. Про себя). Какой несносный! Въ-самомъ-дѣлѣ я немножко жестоко съ нимъ обошелся. да пятьдесятъ цѣлковыхъ—вѣдь это сумашествіе. *(вынимаетъ бумажничъ)* Дамъ три рубля, чортъ съ нимъ, авось отвяжется. *(вслухъ.)* Я, братъ, челоуькъ доброй души; не знаю, правду ли нѣтъ ли, ты мнѣ рассказывалъ, но все-равно: на вотъ тебѣ. *(половому)* Послушай, вотъ возьми за бифштексъ.

Страховъ. Челоуькъ-ли вы? Что я... Благодарю и за это, все хоть что-нибудь дали, другіе и этаго не дали... весь городъ сегодня обѣгалъ... были люди и обязанные кое-чѣмъ мнѣ: гроша не выплакалъ. А это возьмите себѣ, мнѣ мало. Что, жадепъ я немножко. Возьмите, возьмите, благодарствуйте, благодарствуйте. Прощайте, будьте счастливы, богатѣйте, но знайте, что и богатство не поможетъ, когда Богъ наказать захочетъ. *(хочетъ идти)* Домой теперь. А дѣти-то? вѣдь они вѣсть спросятъ. Бѣдняжки, другой день крохи во рту не было. Павелъ Ивановичъ, дайте сюда, дайте сюда *(судорожно)*. Спасибо, спасибо, спасибо!

Егоровъ. Странный челоуькъ этотъ Страховъ... Жаль, жаль... Да просить это, чортъ знать сколько... пятьдесятъ цѣлковыхъ! *(уходитъ).*

Орѣхинъ (во все время этой сцены стоитъ поодаль, и замѣтя, что Егоровъ даетъ деньги Страхову, говоритъ про себя). Эхъ, чортъ возьми, маху далъ; мнѣ-бы прежде къ этому мусье

нодѣхать... Ну да все-равно, и отъ Страхова какъ-нибудь достанемъ; благо теперь знаю, что у него есть деньги: хлопотать не по пустому буду.

V.

СТРАХОВЪ ОРЪХИНЪ и ПОЮВОЙ. (Страховъ идетъ къ двери).

ОРЪХИНЪ (*бросается къ нему и удерживаетъ его*). Володя! другъ, дружище! Сколько зимъ, сколько лѣтъ!

СТРАХОВЪ. Извините, никакъ не могу узнать васъ.

ОРЪХИНЪ. Закладьшнаго-то своего? Гляди прямо въ глаза. Оръхина, Николашку-то не узнаешь?

СТРАХОВЪ. Ахъ, Николай Васильевичъ, это вы. Ужасно перемѣнились.

ОРЪХИНЪ. То-то. Ишь и у тебя (*показывая на морщины*) въ четыре яруса пошли. (*про себя*) Чортъ такъ и жжетъ въ горль. Такъ-бы, кажется, изъ кармана то и вырвалъ у него. Ишь какой сердитый! Нѣтъ, начну поделкатнѣе. Ну, какъ поживаешь? Что это ты не весель?

СТРАХОВЪ. Старь сталь для весеба.

ОРЪХИНЪ. Да какъ тебя занесло въ эту дичь?

СТРАХОВЪ. Также, какъ и васъ. Обстоятельства.

ОРЪХИНЪ. Ну, меня другое дѣло. Я, вотъ видишь, въ Петербургъ-то прожился немножко,—признаюсь какъ другу. Тутъ случай представился: одинъ хорошій человекъ сюда ѣхаль. Хочешь, говорить, доведу! А, я съ дуру-то и поѣхаль, да вотъ и сижу на бобахъ...Ишь какъ я откровененъ... Ну, а ты какъ?

СТРАХОВЪ (*машетъ рукой*). Ахъ, Николай Васильевичъ, извини пожалуйста, мнѣ домой поскорѣй надобно.

ОРЪХИНЪ. Ни, ни, ни! Что ты, братецъ, и наглядѣться то я на тебя не успѣлъ, а ты ужъ уйти хочешь. Ни; ни за что не пущу. Да что ты въ-самомъ-дѣль такой скучный?

СТРАХОВЪ. Такъ, невесело.

ОРЪХИНЪ. А знаешь, чѣмъ скуку разгоняють? знаешь? Вотъ присядь, присядь, я тебѣ расскажу. Да присядь-же, экой ты какой! Ну, вотъ такъ. Вотъ видишь-ли, мнѣ не веселѣй твоего было. Казусъ маленькій случился. Вѣдь, помнишь, все умно вѣдь дѣлалъ...концы съ концами...ищи, поди. Да тутъ свихнулся какъ-то; дѣльцо одно случилось, дрянное: тышенокъ съ десятокъ всего то. Поручили мнѣ его рассмотреть. Ну я, ко-

нечно, собралъ всѣ справки: оказалось, что лѣвая больше дастъ, чѣмъ правая. Ну, грѣшный человѣкъ, я на лѣвую. Вѣдь, самъ знаешь, надо-же чѣмъ-нибудь жить. Да это бы ничего... кто бабушкѣ не внукъ... да вотъ тутъ казусъ-то и случился. Вѣдь дернулъ-же чортъ... удивляюсь теперь, одурѣлъ что-ли я... записочку послать, что дѣлать рублешковъ 500 нельзя-ли въ ожиданіи будущихъ благъ. А тотъ съ дуру возьми записку, да и представь куда слѣдуетъ, Меня, раба Божія и по шеѣ, да впредь никуда не принимать. Да вѣдь то досадно, что хоть-бы взялъ, а то только намѣреніе поимѣлъ. Жилъ-то я, помнишь, не по карману, что бывало набьешь, то и проживешь. Запасцу-то было... хоть по міру ступай. Ужъ такъ, братъ, скверно было, что хоть въ петлю лезъ; я было и сунулся туда, да нѣтъ, больно... Добрый человѣкъ нашелся, совѣтъкъ далъ. Хвати, говоритъ, черезъ край, все забудешь. Я и прежде употреблялъ, да все не такъ, а тутъ какъ хватилъ: каждый день, братъ, повторяю, иной разъ и утраиваю, — такъ хорошо. А вотъ, какъ сегодня не пилъ, просто хоть умирай: тоска! Какъ вспомню, что безвинно страдаю, такъ сердце кровью и обольется. Выпьешь, все позабудешь... Не мори друга, дай полтинничекъ, а то, ей Богу, тоска-то, тоска-то какая. Да вотъ и ты кстати. Попробуй, будешь помнить.

Страховъ. Нѣтъ, братъ, мое горе похуже твоего.

Орехинъ. Божусь тебѣ, какъ рукой снимешь; вели только подать. Можно? Я велю. Эй, Антика, бутылку самаго лучшаго рому. *(Половой уходитъ).*

Страховъ *(про себя).* Ухъ, какъ вспомню, такъ сердце и защемишь. Попробовать развѣ. Вѣдь заливаютъ-же, говорятъ, виномъ горе? Авось легче будетъ.

Орехинъ. Володя, да ты посмотри только; вотъ, вѣдь видишь, я скученъ: посмотри, какъ повеселю. Подай-же

Половой *(входитъ).* Вонъ, въ той-съ комнатѣ приготовлено: На закуску чего не прикажете-ли? Да, денежки не забудьте.

Орехинъ. Ужъ не безпокойся. Вѣдь это не я *(Страхову).* Пойдемъ, пойдемъ скорѣе *(Тащитъ его. Уходятъ).*

Половой *(про себя).* Ишь, что значитъ "натура-то требуетъ. Какъ онъ его умасливалъ-то... Вотъ еще кого-то Богъ даетъ.

VI.

ПОЛОВОЙ СТРУЙСКИЙ и МАРЬЯ АНДРЕЕВНА

Струйский. Что, скажи, любезный, есть у васъ гдѣ остановиться.

Половой. Нумера-съ. Въ отличительномъ видѣ-съ. Пожалуйте.

Струйский. Чисты-ли? Вотъ мы затѣжали вонъ на той улицѣ гостинница: это ужасъ что-такое.

Половой. Въ отличительномъ видѣ-съ. Смѣю васъ заверить.

Струйский. Гдѣ-же ходъ?

Половой. Вотъ-съ, здѣсь, по лѣстницѣ, коридоръ-съ будетъ. Тамъ-съ покажутъ.

Струйский. Охъ, какая лѣстница! Машенька, останься на минутку здѣсь: тебѣ не пройти по ней, а я пойду, посмотрю: стоитъ-ли еще здѣсь останавливаться. (*половому*) Вѣдь, здѣсь, я думаю, теперь никого нѣтъ?

Половой. Никого-съ (*про себя*.) Какъ-бы тѣхъ двоихъ не принесло сюда. (*Струйский уходитъ*).

VII.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА и ПОЛОВОЙ.

Струйская. (*Про себя*.) Черезъ нѣсколько дней я опять буду въ Петербургъ... Грустно вспомнить объ немъ. Тамъ похоронила я все лучшія мечты моей жизни. Владиміръ, гдѣ-то ты теперь? Что я? Что мнѣ за дѣло, гдѣ Владиміръ. Теперь онъ совершенно чужой мнѣ; теперь даже думать объ немъ для меня преступленіе. Я жена, и хорошъ-ли, нѣтъ-ли, должна любить мужа, и забыть о Владиміръ. Трудно, но долгъ требуетъ этого.

Половой (*про себя*.) Ай, батюшки свѣты, несетъ, несетъ ихъ сюда, ишь какъ насосались, прости Господи!

VIII.

Тѣже, СТРАХОВЪ и ОРЪХИНЪ входятъ пылые, рука объ руку, распахивая объ половники дверей настежь.

Струйская. Ай, пьяные! (*опускаетъ воаль, хочетъ идти, но услыша голосъ Страхова, останавливается*.)

Страховъ. Унессс—и—ты мооос гооорр... А вѣдь, чортъ возьми, превесело, ей, ей, превесело...

Орѣхинъ. Да, солидно выпили.

СТРУЙСКАЯ (*про себя*). Господи, Владиміръ! Въ какомъ положеніи.

СТРАХОВЪ. А, знаешь что, Колька; а все какъ о домъ-то вспомнишь, ухъ какъ здѣсь (*показывая на сердце*) кошки заскребуть.

ОРЪХИНЪ. Мало, значитъ, мало; повѣрь мнѣ, быть не должно, повѣрь мнѣ. Еще надо, да вотъ и у меня что-то сердце щелить, и мнѣ, братъ надо немножко.

СТРАХОВЪ. Гуляй на послѣднія! (*горько*)? Эка штука, что дѣтямъ вѣсть нечего: подождутъ... Нѣтъ, кажется, не зальешь!

СТРУЙСКАЯ (*про себя*). Дѣтямъ вѣсть нечего! Это онъ последнее проматываетъ. Несчастный! Господи! подкрѣпи меня! Подойду, спрошу его; авось еще можно помочь; можетъ, онъ несовсѣмъ упалъ еще въ эту бездну.

СТРАХОВЪ (*подходя къ буфету*). Эй, какъ тебя, Архипычъ, давай самага крѣпкаго... Скорѣй, скорѣй.

ОРЪХИНЪ (*скоро*). Рому бѣлаго.

СТРУЙСКАЯ (*про себя*). Еще, еще. Остановить его? Но онъ не одинъ... Боже мой.

Половой. Сейчасъ, сейчасъ! Да что вамъ больно скоро надобно?

СТРАХОВЪ. Эхъ, братецъ, горе залить. Что есть у тебя дѣти, Архипычъ!

Половой. Шестаго вотъ вчера Богъ послалъ.

СТРАХОВЪ. Что, ты любишь ихъ?

Половой. Известное дѣло; скотина, и та свое дѣтище бережетъ, да холить.

СТРАХОВЪ. По міру не пустилъ?

Половой. Что вы, баринъ, тигунъ-бы вамъ на языкъ.

СТРАХОВЪ. А мон завтра руки протянуть. Я прошилъ у нихъ последнее... Да давай-же скорѣй. (*Половой подаетъ.*)

СТРАХОВЪ (*вытываетъ залпомъ*). Ухъ, повеселѣе будто-бы.

ОРЪХИНЪ. Ужъ и мнѣ кстати; полнѣе, полнѣе, любезнѣйшій.

СТРАХОВЪ. Бррръ, какъ оная повеселѣлъ.

(*Орхинъ половину послѣдующаго монолога Стрхова ходитъ, пошатыбаясь, по комнатъ, потомъ ложится на диванъ и засыпаетъ.*)

СТРАХОВЪ. А, да тутъ и мадамъ есть. Прекрасно: полюбезничать есть съ кѣмъ. Я давно ужъ въ этомъ не уиражнялся. Здравствуйте, мадамъ, что вы такъ пригорюнились? А? Что-жъ

вы не отвѣчаете? Не скучно-ли вамъ? А мнѣ, такъ весело, чудо какъ весело. Знаете, я вамъ лекарство дамъ отъ скуки. Вотъ дружище закадычный научилъ. Чудо, я вамъ скажу, что такое. Въдѣ и мнѣ также сегодня ужасно скучно было. Двое дѣтей съ голоду мрутъ, есть, кажется, отъ чего поскучать? А? въдѣ есть отъ чего? Другъ-то, другъ-то вотъ гдѣ выручилъ; облить его за это надо всякими коньяками, да романи. Выпей, говорить, какъ рукой сниметъ, а я дуракъ въдѣ былъ прежде: ни капли. Ну ужъ зато какъ выпилъ: ха, ха, ха, ха, ха, какъ будто и дѣтей не бывало. Да въдѣ выпилъ-то на что, спросите: на послѣднія деньги. Поскребываетъ здѣсь-то (*показывая на сердце*) ухъ, какъ поскребываетъ, а весело, ей Богу, весело. А все дружище, все дружище... то есть, кажется, озолотилъ-бы, озолотилъ-бы. Какую штуку онъ со мной сдѣлалъ; давно-о, а вѣкъ не забуду. Женить ему меня захотѣлось... (*Марья Андреевна, внимательно вслушивается.*) Въдѣ пришла-же этакая фантазія. Она-бы, вотъ видите-ли, и не пришла, пожалуй, да самаго женять, такъ надо какъ-нибудь отдѣлаться... Женять-то чуть-чуть не на чортъ... Раскусплъ, что жена-то ему не по зубамъ... А сбыть надо. Кому? Другу конечно. Другъ-же тогда былъ молодъ, неопытенъ; въ головѣ вотъ все такъ ходило, какъ у меня въ глазахъ теперь: оно и кстати. Другъ любилъ... (*Струйская вздрагиваетъ.*) Друга любили. Онъ доказалъ, какъ дважды два четыре, что это глупо, что съ любовью недалеко уѣдешь. Другъ надвѣлся на свѣтлую, тихую будущность, — онъ разбилъ его надежды; повелъ его по большой дорогѣ... къ веревкѣ. Не правда-ли по дружески въдѣ? Ха, ха, ха, ха! Въдѣ по-дружески?... А ужъ жену-то какую выбралъ; вотъ ужъ это верхъ дружбы. Мучила, мучила друга; не понравилось, обобрала мужа, да и шмыгъ сама. Рыскаетъ теперь по свѣту. Да нѣтъ, не все обобрала:.. двухъ дѣтей оставила, зачѣмъ они ей... лишніе расходы... пусть лучше мужъ печется объ нихъ. А мужъ, штъ какъ печется объ нихъ. Ха, ха, ха, ха!.. Николашка! скомандууй ка еще...

СТРУЙСКАЯ (*про себя*). Бѣдный Владиміръ! Такъ вотъ что побудило его отказаться отъ меня.

СТРАХОВЪ. Ну, да недолго мнѣ по свѣту-то валандаться. Допью послѣднія, да и шабашъ (*шаритъ въ карманъ*). Э, да ужъ все; ну пора къ развязкѣ. Довольно я небо-то коптилъ. Къ дѣ-

нямъ развѣ зайти, проститься; да нѣтъ не пойду: разрюмятся, не пустятъ. Лучше прямо. Прощайте, мадамъ.

СТРУЙСКАЯ (*съ испугомъ*). Куда вы?

СТРАХОВЪ. Пилъ, да гулялъ, теперь поплясать пойду... на верёвкѣ.

СТРУЙСКАЯ. Что вы говорите!?

СТРАХОВЪ. Да ужъ больше намъ съ вами не увидѣться. Спасибо вамъ хоть за то, что не погнушались мною... я пьянъ, но еслибы вы знали, что меня заставило пьянствовать... Николашка! Прощай, не увидимся больше...

ОРЪХИНЪ (*съ просонья*). Прощай, прощай, не мѣшай...

СТРУЙСКАЯ. Остановитесь! У васъ есть дѣти. Они пропадутъ безъ васъ.

СТРАХОВЪ. А со мной не пропадутъ что-ли? Хоть пропить некому будетъ у нихъ послѣднія крохи.

СТРУЙСКАЯ. Но вспомните, что ждетъ. Васъ здѣсь вы избавитесь отъ вашего горя, зато тамъ-то что?

СТРАХОВЪ. Тамъ! (*машетъ рукой*)... Да что вамъ, мадамъ, за нужда, скажите, жалѣть меня... Что пьяницу-то жалѣть: по дѣломъ вору и мука... Прощайте, прощайте некогда... (*Идетъ*).

СТРУЙСКАЯ. Пойдите, пойдите!!... (*Про себя*) Господи! не допусти его! Владиміръ Ивановичъ! Владиміръ Ивановичъ! (*Блѣзнетъ за нимъ; воаль спадаетъ у нея съ лица*).

СТРАХОВЪ (*оглядывается*). Господи не во снѣ-ли я это вижу? Машенька! Марья Андреевна! Охъ Господи! (*хватается за голову*) Хмѣль весь вышелъ... Машенька! Я съ ума сойду! Такъ это вы-то жалѣли меня. Такъ вы не презираете меня? О не презирайте меня ради Бога, не презирайте меня!..

СТРУЙСКАЯ. Полноте, полноте; я все забыла...

СТРАХОВЪ. Забыли, забыли, что я обманулъ васъ, жестоко обманулъ. Но, смотрите, какая кара Божія тяготѣетъ надо мною, въ какую страшную бездну упалъ я за это. Вы ужасаетесь; отойдите дальше, дальше; предъ вами пьяница, самоубійца... Вы не бѣжите отъ меня, значитъ, вы жалѣете меня... О, благодарю, благодарю...

СТРУЙСКАЯ (*про себя*). Ну, слава Богу, еще не все доброе исчезло въ немъ. (*вслухъ*). Тсперь, вы будете жить; не правдали, вы будете жить?

СТРАХОВЪ. Марья Андреевна! Вы хотите этого, и я останусь

живъ. Но для кого? Для дѣтей,—я только несчастье приношу имъ; для себя — не стоитъ. Для кого-же?

Струйская. Живите для всѣхъ. Поѣдьте въ Петербургъ. Тамъ вы заживете по старому. Вы говорите, что вы въ бѣдственномъ положеніи. Мой мужъ поможетъ вамъ.

Страховъ. Такъ вы замужемъ? (*про себя*). Что же тутъ страннаго. Дай вамъ Богъ счастья. Нѣтъ, Марья Андревна, не поѣду я въ Петербургъ. Богъ съ нимъ. Довольно я тамъ нажился: вѣкъ не забуду.

Струйская. Но что-же вы будете дѣлать здѣсь?

Страховъ. Сегодня, пока ничего, а завтра потащатъ меня въ тюрьму; тамъ найдутъ дѣло.

Струйская. Васъ!? въ тюрьму! Да что-же съ дѣтьми вашими будетъ?

Страховъ (*плача*). По міру пойдутъ.

Струйская. Нѣтъ, я не допущу до этого. Владиміръ Ивановичъ! Возьмите, вотъ тутъ всѣ мои деньги... этаго мало... вотъ погодите сейчасъ придетъ мужъ — онъ заплатитъ за васъ...

Страховъ. Ангель Божій! Господи! теперь только я чувствую, кого я лишился. Не надо, не надо... (*горько*). По дѣломъ вору и мука.

Струйская. Но вы должны! Вы передъ Богомъ будете отвѣчать за это... Такъ-то вы печетесь о дѣтяхъ... Вамъ представляется случай спасти ихъ, а вы сами губите ихъ... Да вы злодѣй послѣ этого.

Страховъ. Марья Анѣреевна! Не выкупайте меня изъ тюрьмы. Ну, что-жъ, я выйду, опять впаду въ долги, и опять туда-же попаду, а лучше, если вамъ жаль дѣтей моихъ, если вы дѣйствительно желаете сдѣлать имъ и мнѣ что-нибудь доброе, такъ довозите ихъ на эти деньги въ Петербургъ; отдайте куда-нибудь въ приютъ. Все, по-крайней-мѣрѣ, будутъ людьми...

Струйская. Нѣтъ; я не въ приютъ отдамъ ихъ.. У меня нѣтъ дѣтей... Вотъ Богъ посылаетъ ихъ... Владиміръ Ивановичъ! отдайте ихъ мнѣ, я буду ихъ второю матерью.

Страховъ. Божествомъ вы ихъ будете, какъ божество вы для меня... О, какъ вы великодушно мстите мнѣ... Вамъ все еще недовольно... Оставьте при себѣ эти деньги. Но если вы еще чѣмъ-нибудь хотите подарить меня; то общайтесь, что вы бу-

дете поминить обо мнѣ, не какъ, объ обманщикѣ, который такъ жестоко поступилъ съ вами, но какъ о человекѣ, любящемъ васъ. Да, вы общаете... Ну теперь мнѣ ничего болѣе не нужно... До свиданія... Бѣгу за дѣтьми (*Уходитъ*).

СТРУЙСКАЯ. Такъ онъ еще не переставалъ любить меня... Господи! грѣшно, но и я еще люблю его. Бѣдный, сколько онъ перенесъ, сколько онъ вытерпѣлъ...

IX.

СТРУЙСКАЯ ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ СТРУЙСКІЙ,

СТРУЙСКІЙ. Знаешь дружокъ, намъ нельзя здѣсь остановиться. Просто ужасъ что такое. Поведемъ—ка дальше...

СТРУЙСКАЯ. Такъ скоро!.. (*оправясь*). Хорошо, я согласна.

СТРУЙСКІЙ. Что ты? Что съ съ тобой? Ты взволнована. Ужъ не случилось-ли тутъ чего нибудь?

СТРУЙСКАЯ. Нѣтъ, ничего, это такъ, съ дороги. Пройдетъ ..

СТРУЙСКІЙ. Ты не скрывай, пожалуйста; если ты чувствуешь себя худо, я сейчасъ схожу за докторомъ.

СТРУЙСКАЯ. Нѣтъ, нѣтъ не безпокойся:.. На меня сильно подействовало одинъ случай, который сейчасъ рассказали мнѣ...

СТРУЙСКІЙ. Что такое? Какой случай?

СТРУЙСКАЯ. Здѣсь есть... двое дѣтей, которые умпраютъ съ голоду, и вѣрно умрутъ, потому-что отца ихъ завтра посадятъ въ тюрьму... Я даже видѣла и отца ихъ... Его бѣдственное положеніе такъ поразило меня, что я только и думала, какъ-бы облегчить его участь... Мнѣ пришла въ голову счастливая мысль, и я сообщила ее ему, не посоветовавшись напередъ съ тобою... Я знала, что ты не разсердишься.

СТРУЙСКІЙ. Что, что такое? говори...

СТРУЙСКАЯ. Богъ не благословилъ насъ дѣтьми. Возьмемъ къ себѣ этихъ малютокъ; Богъ насъ наградитъ за это.

СТРУЙСКІЙ (*тронутый*). Ты всегда одна и таже. Спасибо, спасибо Машенька, что ты доставляешь мнѣ случай сдѣлать доброе дѣло... Гдѣ они? Пойдемъ къ нимъ...

СТРУЙСКАЯ. Я такъ и знала; добрый Ванчикъ! Онъ самъ сейчасъ приведетъ ихъ сюда.

Х.

ТЪЖЕ, СТРАХОВЪ, ВОЛОДЯ и ЛЮБА,

СТРУЙСКАЯ. Вотъ, Ваничка, рекомендую тебѣ... Владиміръ Ивановичъ... (*Страховъ кланяется, дѣти также*).

СТРУЙСКИЙ (*жметъ ему руку*). Такъ вы согласились отдать намъ дѣтей своихъ?

СТРАХОВЪ (*сквозь слезы*). Да... возьмите ихъ ради Бога.

СТРУЙСКИЙ. Какія миленькія малютки. (*Струйская беретъ Любу*).

СТРУЙСКИЙ. А который годокъ сынку вашему?

Володя. Мнѣ семь лѣтъ, а Любѣ шесть.

СТРУЙСКИЙ. У, да какой-же ты большой. А учишься?

Володя. Да, мы катихизисъ учимъ. Басни учимъ: Попрыгучью Стрекозу, Ворону и Лисицу.

СТРУЙСКИЙ. Умница, умница. А что ты любишь папу?

Володя. Люблю. А вотъ, папа насъ не любитъ... Вотъ я Ворону и Лисицу твердо выучилъ... папа, за чтожъ ты меня безъ чаю и безъ объѣда оставилъ. И Любу также. И она знаетъ... похуже моего: я славно знаю; а учили мы ровно: вчера весь вечеръ... Папа, да тутъ пирожки продають... дай, папа, пирожекъ... я ѣсть хочу... я съ утра ничего не ѣлъ.

СТРАХОВЪ (*въ замѣшательствѣ*). Не тронь, душечка; вотъ домой пойдемъ, купимъ; здѣсь нельзя трогать.

Володя. Папа, да я ужасно ѣсть хочу... Хоть маленькій кусочекъ... Папа.

СТРУЙСКИЙ (*даетъ пирожекъ Володѣ*). На, на, душечка, не плачь. (*Струйская кормитъ Любу*).

Володя. Вотъ, папа, дядя какой добрый; а ты недобрый папа: тебя любить не за что... Дядя, это твои лошадки на дворѣ?

СТРУЙСКИЙ. Мои.

Володя. Славныя лошадки.

СТРУЙСКИЙ. А вотъ мы поѣдемъ кататься на нихъ, далеко, далеко.

Володя (*скачетъ*). Поѣдемъ! я править буду... Берегись—ей! И папу возьмемъ?

СТРУЙСКИЙ. Нѣтъ, папа здѣсь останется.

Володя. Нѣтъ, папу возьмемъ; я безъ папы не поѣду.

Струйскій. Да мы скоро назадъ прїедемъ.

Люба. А меня возьмете?

Струйскій. Возьмемъ, возьмемъ...

Володя. Такъ поѣдемъ-же, дядя, поскорѣй...

Струйскій. Сейчасъ, сейчасъ, душечка. (*Страхову*). Мы сейчасъ ѣдемъ въ Петербургъ. Приготовились-ли вы разстаться съ своими малютками.

Страховъ. Какъ! Сейчасъ уже! Впрочемъ все равно, съ Богомъ!

Струйскій. Нѣтъ-ли у нихъ чего надѣть потеплѣе. Хотя нынче и лѣто, а по вечерамъ бываетъ довольно холодно. (*Страховъ въ замѣшательствѣ*). Впрочемъ не безпокойтесь. У насъ найдется. Ну, Машенька, въ путь. Присядемъ. Дай Богъ въ добрый часъ!

Володя. Зачѣмъ присядемъ? Поѣдемъ скорѣй.

Струйскій. Присядь, присядь, душечка: сейчасъ и поѣдемъ. (*Страховъ плачетъ потихоньку*).

Володя. Папа, что ты плачешь? Вѣдь мы скоро прїедемъ. Не плачь, а то и я заплачу.

Страховъ (*оправясь*). Я не плачу, дурачекъ, кто тебя сказалъ? Подите сюда, Володя; Люба. (*Благословляетъ ихъ*).

Володя. Папа, да мы не спать идемъ, что ты насъ крестинишь.

Страховъ. А, можетъ-быть, до вечера-то и не прїедете. Такъ какъ-же ты не простившись со мной-то спать ляжешь?

Володя. Правда, папа. Такъ ты меня еще разъ перекрести; вѣдь ты два раза меня крестинишь, въ постель еще.

Страховъ. Ну Богъ тебя благословитъ, Володя! Ты не забудь папу, молись за него. Люба, и ты также...

Володя. Да какъ-же тебя забыть? Вѣдь мы скоро прїедемъ, папа?

Страховъ. Да, да; ну съ Богомъ. Слушайся дяди, Володя, тети слушайся, люби ихъ....

Володя. Да я и теперь дядю люблю. Смотри, какъ люблю. (*Бросается къ Струйскому и цѣлуетъ его*).

Струйскій. Ну поѣдемъ-же, поѣдемъ скорѣе, душечка.

Володя. Прощай, папа. (*цѣлуетъ его*). Смотри не плачь, папа.

Страховъ (*сквозь слезы*). Прощай, прощай, Володя... Погоди немножко.... Поцѣлуй еще меня. Люба! Иванъ Петровичъ! По-времените еще денекъ. Еслибы вы знали, какъ трудно разстаться

съ ними... Ну, да все-равно, увъжайте, увъжайте скорый... или я не вытерплю. Володя, бѣги скорый на лошадку... бѣги скорый... Нѣтъ, стой, погоди немножко. Поцѣлуй меня, Иванъ Петровичъ, уведите, уведите ихъ....

Володя. Вотъ посмотри, папа, какъ я на лошадку... Пойдемъ скорый, Люба. (*Убѣгаетъ*).

XI.

ТѢЖЕ, КРОМЪ ВОЛОДИ И ЛЮБЫ.

СТРАХОВЪ. Прощайте, Иванъ Петровичъ! (*Обнимаются*) Любите ихъ. Богъ васъ наградитъ за это! (*Струйскій уходитъ*).

XII.

ТѢЖЕ, КРОМЪ СТРУЙСКАГО.

СТРАХОВЪ. Прощайте, Марья Андреевна! Ангелъ Божій, ты опять улетаешь отъ меня! Я грѣшникъ, ничтожна моя молитва передъ Богомъ... И безъ нея. Онъ пошлетъ тебѣ счастье. Но я буду молиться о тебѣ, буду, потому-что у меня нѣтъ большей награды для тебя. Прощай. Прощайте, Марья Андреевна! (*Марья Андреевна рыдала, сперва бросается къ нему, но вдругъ отскакиваетъ и бросается вонъ*).

XIII.

СТРАХОВЪ, ОРЪХИНЪ спитъ.

(*За сценой слышенъ звонъ удаляющагося колокольчика*).

СТРАХОВЪ. Увхали, увхали! О зачѣмъ я пустилъ ихъ? Марья Андреевна, дѣти! Постойте, погодите!... Дайте въпослѣднее взглядѣться на васъ... (*Бросается къ окну*)... Стойте, стойте... Не слышать... Нѣтъ, вонъ Володя услыхалъ: ручки протягиваетъ, ко мнѣ просится; ему жаль папы... плачетъ; плачь, душечка, плачь; сегодня поплачешь, завтра поплачешь, а тамъ и забудешь; отца-то забудешь! Охъ, стойте, стойте; отдайте мнѣ дѣтей моихъ... отдайте... Все дальше, все дальше... Совсѣмъ невидно... совсѣмъ... Одинъ, одинъ... навсегда одинъ я остался. Что мнѣ жить теперь, когда ничего не привязываетъ къ жизни... Все теперь для меня кончено, мнѣ ничего больше не остается дѣлать, какъ... (*за сценой слышенъ тихій благовѣстъ къ вечерни*) молиться! Господи! благодарю Тебя... Да, молиться долженъ я... м олиться... Услышь Господи молитву грѣшника! Ты не за-

быль и его. Въ минуту скорби, отчаянія Ты постилъ и его... Да дойдетъ-же до Тебя моя молитва... (*благовѣсть перестаетъ*). Господи! (*падаетъ на колѣна*)... ихъ спаси... имъ пошли счастье... пусть не знаютъ они твоихъ горестей, твоихъ страданій, которыми исполнена была жизнь моя... и если я еще недовольно наказанъ... да будетъ воля Твоя .. но меня накажи... помилуй ихъ, помилуй ихъ... (*Падаетъ на окно*).

Орехинъ (*просыпаясь*). Володя... теперь опохмѣлиться надо... Гдѣ ты?... Ишь охмѣлѣлъ какъ, до дивана дойти не могъ.
